

**В Е К
И Н Ф О Р М А Ц И И**

ISSN 2306-417X

**ВЕК
ИНФОРМАЦИИ
2015**

№ 4

Санкт-Петербургский
государственный
университет

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Институт «Высшая школа
журналистики и массовых
коммуникаций»

Санкт-Петербург 2015

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета*

Редакционный совет

*А. С. Пую, профессор, д-р социол. наук, СПбГУ
М. Геруля, профессор, д-р филол. наук, Силезский университет,
Польша
Л. П. Громова, профессор, д-р филол. наук, СПбГУ
И. Э. Клюканов, профессор, д-р филол. наук, Восточно-Вашингтон-
ский ун-т, США
С. Б. Никонов, доцент, канд. полит. наук, СПбГУ
И. Н. Розина, доцент, д-р педагог. наук, Институт управления, биз-
неса и права, Ростов-на-Дону, президент Российской коммуника-
тивной ассоциации
И. Сечик, д-р философии, статс-секретарь Министерства культуры
Республики Словакия
Д. Туссу, профессор, Университет Вестминстера, Великобритания
Г. Г. Щепилова, профессор, д-р филол. наук, МГУ им. М. В. Ломоно-
сова*

Редакция

*Главный редактор — С. Г. Корконосенко, профессор, д-р полит. наук
Шеф-редактор — Б. Я. Мисонжников, профессор, д-р филол. наук
Ответственный секретарь — Е. А. Королев, канд. полит. наук
Редактор — И. А. Богданова
Перевод — Ш. А. Ахмадулаева
Дизайн — П. Ч. Хан
Верстка — Е. П. Смирнова*

Век информации. 2015. № 4. — СПб. : Высш. шк. журн. и мас.
коммуникаций, 2015. — 84 с.
ISSN 2306-417X

В очередном выпуске сериального издания «Век информации»
представлены статьи российских медиаисследователей.
Фактические сведения приводятся в авторской редакции.

Сериальное издание «Век информации» зарегистрировано в
Международном центре ISSN 19 декабря 2012 г.
Издатель Институт «Высшая школа журналистики и массовых
коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного
университета

ISSN 2306-417X

**INFORMATION
AGE
2015
No. 4**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

St Petersburg State University

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Institute "School of Journalism
and Mass Communications"

St Petersburg 2015

*Printed by decision of the Editorial advisory board of the Institute
“School of journalism and mass communications” of St Petersburg State
University*

Editorial board

Doctor of Sociology, Professor *A. S. Puyu*, St Petersburg State University
Doctor of Philology, Professor *M. Gerulya*, Silesian University, Poland
Doctor of Philology, Professor *L. P. Gromova*, St Petersburg State
University
Doctor of Philology, Professor *I. E. Klukanov*, Eastern Washington Uni-
versity, USA
PhD in Political Sciences, Associate professor *S. B. Nikonov*, St Petersburg
State University
Doctor of Education, Associate professor *I. N. Rozina*, Institute of
Management, Business and Law, Rostov-on-Don, the President of the
Russian Communication Association (RCA)
Doctor of Philosophy, *I. Sechik*, State Secretary of the Ministry of Culture
of the Slovak Republic
Professor *D. Tussu*, University of Westminster, UK
Doctor of Philology, Professor *G. G. Shepilova*, Moscow State University

Redaction

Editor-in-chief — Doctor of Political Sciences, Professor *S. G. Korkono-
senko*
Managing editor — Doctor of Philology, Professor *B. Ya. Misonzhnikov*
Journal secretary — PhD in Political Sciences *E. A. Korolev*
Editor — *I. A. Bogdanova*
Translation — *Sh. A. Ahmadulaeva*
Design — *P. Ch. Hahn*
Typesetting — *E. P. Smirnova*

Information Age. No. 4. — St Petersburg : School of journalism and
mass communications of St Petersburg State University, 2015. — 84 p.

The papers from the Russian media researchers are presented in this
book. The authors are responsible for their data being correct.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Тулупов В. В. Социальные сети и журналистика **11**

Ерофеева И. В. Война как «театр военных действий»: когнитивный аспект современного медиатекста **15**

Карасик В. И. Криминализация массового сознания: признаки и способы выражения **19**

Полонский А. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в философско-публицистическом диалоге о пошлости **30**

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Королёв Е. А. Шкала плюралистичности российских СМИ **39**

Шайхитдинова С. К. Новые медиа и права человека: мнение эксперта об информационном споре с участием журналиста **45**

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Воскресенская М. А. Корконосенко С. Г. Преподавание журналистики в высшей школе: учеб. пособие. СПб.: Свое издательство, 2015. 160 с. **51**

Фещенко Л. Г. Диссертационное поле журналистики: путь к открытому информационному пространству. 2006–2015 ..... **54**

ХРОНИКА

Бережная М. А. Журналистика в ракурсах коммуникативных исследований (по материалам научных конференций) **69**

Виноградова С. М., Руцин Д. А. 4-й Международный форум по политическому маркетингу в Упсале (Швеция) **72**

Нигматуллина К. Р. С 60-летием! Профессору А. П. Короченскому **78**

Периодическое издание «Век информации» **79**

CONTENTS

ACADEMIC DISCOURSE

Tulupov V. V. Social media and journalism **11**

Erofeeva I. V. War as a “theatre of operations”: cognitive aspect of modern media text **15**

Karasik V. I. Mass consciousness criminalization: features and means of expression **19**

Polonskiy A. V. ”Diary of writer” by F. M. Dostoevsky in the philosophical and journalistic dialogue on vulgarity **30**

EMPIRICAL RESEARCH

Korolev E. A. Scale of pluralism of Russian media **39**

S. K. Shaykhitdinova. New media and human rights: Expert’s opinion on the informational dispute with the journalist **45**

REVIEWS

Voskresenskaya M. A. Korkonosenko S. G. Teaching journalism in higher school: Study guide. St Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015 ..... **51**

Fezchenko L.G. Dissertation field of journalism studies: The path to free information space: 2006–2015 ... **54**

CHRONICLE

Berezhnaia M. A. Journalism in communicative researches foreshortening (on materials of scientific conferences) **69**

Vinogradova S. M., Rushchin D. A. The 4th International Forum on Political Marketing in Uppsala (Sweden) **72**

Nigmatullina K. R. Congratulations on the 60th birthday of professor Korochensky **78**

Periodical “Information Age”..... **81**

Научный дискурс

В. В. Тулупов

Воронежский
государственный
университет

В статье рассматривается проблема сохранения журналистики как социального института и вида профессиональной деятельности, а также взаимоотношения журналистов и блогеров.

Ключевые слова:
*социальная сеть,
блогер, журналистика,
журналист, профессия,
функция, задача,
периодическая печать.*

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
И ЖУРНАЛИСТИКА**

Сегодня все чаще раздаются прогнозы, связанные не только со скорой смертью газет, но и с исчезновением журналистики как особого социального института, вида деятельности и профессии. Так, авторы проекта «Атлас новых профессий» при поддержке Агентства стратегических инициатив при Президенте РФ, Московской школы управления СКОЛКОВО и RF-Group пришли к выводу, что после 2020 г. наряду с такими интеллектуальными профессиями, как копирайтер, туристический агент, лектор, библиотекарь, нотариус, юрисконсульт, системный администратор и др., исчезнет также профессия журналиста. Их аргументы таковы: «Программы перевода речи в текст и программы по написанию текстовых документов позволяют во многом автоматизировать эту, считавшуюся ранее творческой, профессию. Например, компания Bloomberg заменила часть своего новостного персонала на программу искусственного интеллекта, которая пишет биржевые новости быстрее и более красочно, чем журналисты-люди. Любительские репортажи и блоги, резко набирающие популярность благодаря своей живости, правдивости и естественности начинают конкурировать с теле-, радио- и печатными журналистами ведущих СМИ. Через 20 лет искусственный интеллект сможет на 95 % решать задачи, связанные со СМИ» [1].

Профессор кафедры деловой и политической журналистики НИУ ВШЭ Ольга Романова еще в 2011 г. написала в журнале «Смена»: «В Высшей школе экономики скоро не будет отделения деловой

и политической журналистики. И я этому очень рада. Потому что журналистика исчезает, хотим мы этого или нет, это профессия двух предшествующих веков. На этом месте стоило бы забубенить отрывок из песни Утёсова про извозчика: „Встань, Маруська, в стороне“. Журналист стал извозчиком XXI века: хочешь выживать — овладевай профессией таксиста, машиниста, летчика и доставляй своих седоков (то есть информацию к потребителю) другим транспортом. У нас в НИУ ВШЭ отделение журналистики станет факультетом коммуникаций. Для начала будем изучать „двигатель внутреннего сгорания“ — мультимедийность и конвергентность, а там и новые песни придумает жизнь.

Кризис классической журналистики — явление общемировое. Трактор идет на смену крестьянской лошадке, деваться от него некуда. Но в России, как обычно, свой путь и свои запечные тараканы, устойчивые к дихлофосу. Наш профессиональный кризис усугубляется ощущением ненужности, ведь одна из главных функций медиа — коммуникация между обществом и властью. Но это пройдет, ибо никакое общество без такой коммуникации в исторической перспективе долго не протянет. Любая профессия рано или поздно оказывается в кризисе, что всегда иллюстрирует четкий гендерный показатель — девочки. Как только в профессию идут в основном девочки, можно смело констатировать кризис. Когда я поступала в финансовый институт, в группе были в основном девочки, выделялись разве что мальчик Прохоров и мальчик Хлопонин. А сейчас — сами понимаете, финансовая профессия давно поменяла статус и гендерный состав, и вовсе не потому, что изменились финансы — изменилась страна. Дальновидные люди идут получать профессию именно в тот момент, когда она в кризисе, ибо к моменту окончания вуза кризис может и закончиться, вечных кризисов не бывает» [4].

Кажется, автор в последнем абзаце противоречит сам себе, к тому же, на наш взгляд, явно упрощает проблему, ограничиваясь лишь технологическим аспектом. Между тем следует начинать с миссии журналистики — деятельности, своими корнями уходящей в древность. Действительно, социальные сети могут выполнять ряд функций журналистики — информационную, коммуникационную и рекреативную, но функции, связанные с направленным профессиональным воздействием, — идеологическая, культурно-образовательная и организаторская — если и реализуются в социальных сетях, то лишь в усеченном и хаотическом виде. Об этом, кстати, пишет и сама О. Романова, поспешно, на наш взгляд, заявляющая, что журналистская профессия уже преодолела проблемы, связанные с появлением блогеров и соцсетей: «Влиятельные блогеры не стали журналистами, но стали ньюсмейкерами, как и положено ярким людям. Ведь чем берут блогеры? Тремя вещами: оперативностью, сжатым изложением (современный потребитель информации имеет видоизмененный мозг, явление получило определение «твиттеризация сознания») и обратной коммуникацией. Профессионалы нашли адекватный и естественный ответ, понятный публике.

1. На блогерскую оперативность ответили факт-чекингом (проверка фактов): быстро не означает точно и правдиво, к тому же блогер за свои слова не отвечает, а СМИ можно закрыть за диффамацию.

2. Профессионалы научились писать коротко и сжато — невелика хитрость. К тому же вернулся спрос на длинные качественные тексты — надо только прилепить к ним «твит-контент», то есть краткое содержание.

3. Блогеры милы публике тем, что вступают с ней в дискуссию. Ну, теперь это делают и профи — те, кто хочет остаться в профессии» [Там же].

Добавим к вышесказанному следующее.

Во-первых, «блогеры» и «социальные сети» существовали даже в те времена, которые ученые относят к прото- или пражурналистике. На Руси их называли каликами переходжими, за границей — странниками, которые со временем становились профессиональными нувеллистами (кстати, в толковом словаре В. Даля калика определяется как «странствующий, нищенствующий богатырь» — видимо, и тогда, чтобы отстаивать слово правды, требовалась силушка великая...).

Во-вторых, не следует путать любительство и профессионализм. Любитель зависит только от своего настроения: захочу — напишу, не захочу — не напишу, а уж проверять факт на достоверность — увольте: слухи порождаем, слухами питаемся. Профессионализм же подразумевает ответственность, и прежде всего — перед аудиторией. Девиз профессионала: «Качественная информация — в срок!» Подлинный профессионал осознает миссию журналистики как духовно-практической и социально ответственной деятельности.

Тот журналист — профессионал, который:

— разделяет факт и комментарий;

— осторожно пользуется версиями (особенно если это касается острых конфликтных ситуаций);

— понимает, что такое «этичность позиции», «толерантность» и «сбалансированность точки зрения».

Тот журналист — профессионал, который:

— использует достаточное количества конкретных, а не анонимных источников;

— проявляет осмотрительность, но не в ущерб оперативности;

— правдив и способен признавать ошибки, если таковые, увы, были им допущены.

Сегодня все чаще слышишь от работодателей: готовы универсальных журналистов. Что означает: владение компьютерными и информационными технологиями; мобильность, оперативность, активность; способность адаптироваться к языку электронных СМИ; способность выполнять разные роли и разные виды работ одновременно и для различных форм СМИ; умение работать в команде и многое другое. Молодежь охотно на это откликается, но, к сожалению, на фоне коммерциализации и монополизации СМИ у нее формируется не только самостоятельность, но и такие черты, как коммерциализация сознания; продажность (умение угодить заказчику, писать рекламные материалы); безответственность и стремление к славе любой ценой. Сегодня не только стрингеры, но и штатные сотрудники изданий, претендующих на звание качественных, порой сознательно выступают за холодный расчет, за которым — цинизм, полное безразличие и равнодушие к героям, к ситуации, забота лишь об эффективности подачи материала. Для таких журналистов люди — лишь «объект изучения»; их кредо: «Заказ необходимо выполнить во что бы то ни стало».

Выдающийся кинодокументалист Герц Франк в свое время сказал: «...главное в этическом кодексе документалиста: не использовать камеру во вред человеку, не оскорблять его достоинство. И еще нельзя подсматривать — надо смотреть. Смотреть и видеть! Глазами и сердцем» [3]. Лучше не скажешь.

Итак, пользователи социальных сетей, выступающие как публикаторы: очевидцы, ретрансляторы, републикаторы, коллаторы, координаторы, комментаторы, эксперты, сатирики, публицисты, — а также как реципиенты: коммуниторы, комбинаторы [2], — все же не являются журналистами.

Журналистский труд — производственно-творческий и индивидуаль-

но-коллективный по своей природе — предполагает наличие набора врожденных и приобретенных способностей: оперативность, аналитизм, объективность, коммуникабельность, трудолюбие, креативность, эрудированность, владение устным и письменным словом, умение вести полемику, поддерживать дискурс, умение работать в команде и по жесткому графику, потребность рассказывать, умение создавать оригинальный информационный продукт, следование профессиональным и этическим стандартам и др.

К современным профессиональным требованиям относятся требования к знанию родного, русского и иностранных языков; требование универсальности (умение работать на разных платформах); требование технической подготовленности (умение работать на компьютере, с фото-, аудио- и видеоаппаратурой и др.) и требование медиаправовой подготовки.

Журналист-профессионал отличается также особыми человеческими качествами: гражданственность, пассионарность, ответственность, честь и достоинство, смелость и мужество.

Так что же ждет периодическую печать и журналистику как профессию?

Думается, газеты и журналы останутся, но значительно уменьшатся их тиражи, распространяться они будут либо бесплатно, либо по достаточно высокой цене среди узких сегментов аудитории (корпоративные, специализированные и иные СМИ).

Сохранится, хотя и видоизменится, профессия журналиста. Но лишь при условии, что общество будет способствовать ее развитию, а государство — создавать для этого условия. В демократическом обществе всегда востребована качественная — авторская — журналистика (ср.: «Основным уделом журналистов, — пишут П. Лукша, К. Лукша, Д. Песков и Д. Коричин, — станет ав-

торская журналистика, построенная на оригинальных взглядах и подходе автора, близкая к художественной литературе или кино». — URL: <http://www.asi.ru/upload/iblock/d69/Atlas.pdf>), журналистика, отделяющая себя от видов деятельности, также связанных с массовой коммуникацией, но выполняющих иные задачи, например, в сфере политической или коммерческой пропаганды и рекламы.

Л и т е р а т у р а

1. *Атлас новых профессий* / П. Лукша, К. Лукша, Д. Песков, Д. Коричин. URL: <http://www.asi.ru/upload/iblock/d69/Atlas.pdf>.

2. *Браславец Л.* «Гражданская журналистика» и типичные роли пользователей социальных сетей // Релга. Ру, 01.09.10. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2714&level1=main&level2=articles>.

3. *Вечер памяти Герца Франка*. URL: <http://prodocumentary.org/event/1179.html>.

4. *Романова О.* Кризис журналистики // Смена. 2011. Июнь. URL: <http://smena-online.ru/stories/krizis-zhurnalistiki>.

V. V. Tulupov

Voronezh State University

Social media and journalism

The article considers the problem of preserving journalism as a social institution and type of professional activity, and the relationship between journalists and bloggers.

Keywords: social network, blogger, journalism, journalist, profession, function, task, periodicals.

И. В. Ерофеева
Забайкальский
государственный
университет
(Чита, Россия)

В статье представлен лингвокультурологический анализ концепта «война» в пространстве медиатекста. Дана этимологическая характеристика концепта, обозначена тесная взаимосвязь бинарной оппозиции: война — мир (театр). На основе анализа более 100 текстов российских газет и основных телеканалов выявлена множественность и вариативность объективации концептуальной сферы война, представлена характеристика наиболее распространенных ключевых фреймов: «абсурд», «игра», «болезнь».

Ключевые слова: *концепт «война», медиатекст, репрезентация, ценности, национальная модель мира.*

© Ерофеева И. В., 2015

ВОЙНА КАК «ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ»: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА

Война — одна из основных тем современных СМИ, одновременно это важный общественно-политический феномен, который играет исключительно важную роль в культуре, в том числе в русскоязычной, и достаточно подробно описан в философии, истории, политологии. В лингвистике концепт «война» представляет собой «реально существующую форму бытия культурного феномена» (В. И. Карасик), в немногочисленных исследованиях он обозначен как «этнически, культурно-обусловленное, сложное, структурно-смысловое, вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в свою архитектуру образ и оценку» [2, с. 9].

В своей статье мы не будем останавливаться на традиционных фреймах концептуального поля «война»: соревнование, экономическая операция, наказание и др., обратим внимание на доминирующую в современном медиадискурсе ментальную модель «война как театр военных действий», характерную для русского нарратива. Медиатекст является пространством репрезентации национальной модели мира языковой личности автора, под которой мы подразумеваем определенную систему духовных ценностей, зафиксированную в языковых системах и обусловленную ментальными представлениями конкретной национальной общности. Эмпирическую базу исследования составили более 100 текстов 2014–2015 гг. российских газет («Российская газета», «Аргументы и факты», «Эффект», «Комсомольская правда», «Взгляд», «Изве-

стия») и телеканалов (Первый канал, «Россия 1», «Россия 24», НТВ).

Репортажи с места событий современных журналистов создаются в колоссальном напряжении физических сил и возможностей, при этом медиатексты практически лишены клипмейкерства (вырисовывания картинки по принципу «максимум эмоций — минимум сознания»), авторы предлагают осмысление ситуации через лица, судьбы, синхрон. «Эффект присутствия» поддерживается смыслами и социокодами отечественной культуры (материалы Александра Рогаткина, Александра Евстигнеева, Николая Долгачёва, Евгения Поддубного, Евгения Решетнёва, Станислава Назарова и др.).

Этимологически слово *война*, согласно словарю М. Фасмера, берет свое начало в индоевропейском языке и включает в себя семы «преследовать, гнаться» (лит. *vejù, vùti*), «охотиться» (лат. *vēpor*, нем. *Weida*). В толковых словарях трактовка лексемы *война* базируется на двух ключевых семах: «вооруженная борьба между государствами, народами, классами», «борьба, враждебные отношения с кем-/чем-либо».

Концептуальная сфера «войны» достаточно объемна и демонстрирует универсальные бинарные оппозиции: *война — мир, зло — добро, смерть — жизнь, страх — бесстрашие*. Указанная дихотомия структурирует всю полноту повседневного-экзистенциального сознания человека. Расцвет духовного развития и материального благосостояния возможен в мирное время. Война создает ситуацию стресса, замыкает гармоничное движение субъекта, это явление асимметричное, сталкивающее ожидания человека и жестокую реальность в атмосфере страдания. Поэтому *война* и *мир* выступают отправной точкой раздора или объединения народов и стран, а также душевного хаоса и духовной гармонии. Война открывает истинность мирско-

го бытия, не случайно для обозначения семантического пространства концепта «война» активно используется метафорическая модель «жизнь — театр», позиционирующая идею декоративности и декорума мира [5, с. 950–951].

Известная цитата из романа-эпопеи Л. Н. Толстого «война разгоралась, и театр ее приближался к русским границам» образует интертекст, востребованный современной журналистикой: «освоение театра военных действий близ российских границ» (КП. 2015. 24 марта; Изв. 2014. 26 окт. и др.).

Ключевым каркасом воспроизведения атмосферы войны в общем медиатексте становится фрейм «война — это абсурд». Происходящее на Украине, реакция отдельных представителей международного сообщества провоцируют когнитивный диссонанс в картине мира российской аудитории. Дисбаланс ныне происходящего и прежде усвоенного рождает идею бессмысленности, нелепости, алогичности предлагаемой информации. Фактурная плотность хаоса войны заполняется очередным срывом минской договоренности, неаргументированными посланиями о вторжении российских танков на Украину, бездоказательными обвинениями России в крушении «Boeing 777», в обстреле людей «таинственными снайперами» на Майдане. Лексические репрезентанты абсурда многочисленны: «неполиткорректный / полный / элементарный / чудовищный бред», «МИД назвал бреднями заявления СБУ о Суркове», «полная бессмыслица», «чушь и ахинея», «нелепые выпады в сторону Москвы», «нелепость американской политики», «нелепое положение / заявление / затея / исторические оговорки», «расширение санкций — очередная глупость» и т. д. (Выборка 2015 г., февр. — апр.: Изв., КП, АиФ, Рос. газета, Россия 1).

В качестве символических форматов повествования о войне, обнажающих ат-

мосферу абсурда, выступают страшная сказка и анекдот. В стилистике русского нарратива разворачивается сценарий представления «страшно-смешного». Так, президент Порошенко на очередных переговорах в Минске раскладывает на трибуне осколки «Смерча», а в Мюнхене перед улыбающейся в первом ряду А. Меркель машет паспортами российских офицеров со штрих-кодами, которые ставят на загранпаспорта (Выборка программы новостей 2015 г., февр. — март: НТВ, Первый канал, Россия 1). В других сюжетах танк «Т-34» эпохи Великой Отечественной войны становится настоящим «оружием Победы» и «поднимает дух ополченцев». «Кому это могло прийти в голову еще пару лет назад?», — задает вопрос журналист Александр Рогаткин (Россия 1. 19 февр. 2015 г.).

В театре военных действий именно игра, как форма ложного осознания времени, приобретает глобальный характер и превращается в самостоятельный вид производства определенных смыслов. Фрейм «война как игра» в доминирующих информационных потоках имеет высокую номинативную плотность, аккумулирующую следующие компоненты (Выборка 2015 г., янв. — апр.: Изв., АиФ, КП, Взгляд, Рос. газета, Первый канал, Россия 1):

— разнообразные признаковые составляющие: игра — грязная / страшная / опасная / навязанная / двойная / глобальная и т. д.;

— ёмкие гештальты, с помощью которых обрабатывается фактура: стороны играют мускулами, игра в виноватых, игра с огнем, азартные игры новых хозяев, договорная игра в доброго и злого следователя и т. д.;

— заданные сценарии концептуальной сферы: «все президенты, кроме Путина, лишь играют роль президента» (Изв. 2015. 8 апр.); «сознательная игра Запада на отрыв Украины от России»,

«новые правила игры, навязанные Киевом», «Большая игра, набирающая обороты» («Новости». Первый канал; «Вести». Россия 1), «Петр Порошенко перестает играть отведенную ему роль» (АиФ. 2015. 11 февр.), «Европа перестает играть самостоятельную экономическую и политическую роль», «Игорь Матвеев: США ведут себя как пахан на зоне» (АиФ. 2015. 6 февр.).

Игра имманентно предполагает некую вседозволенность, она, по утверждению Й. Хейзинги, есть свобода [6, с. 20], поэтому ценности в концептуализированной схеме «войны» являются объектом игры. Игровое пространство склонно к перформансу (перформация — перекодировка, перемещение), перформансная коммуникация — своеобразный смысловой генератор, процесс порождения смыслов путем снятия закрепленных в сознании табу и запретов. В игровом пространстве мир меняется, многое делается возможным, так как украденные у реального мира предметы [4, с. 103] призваны рождать новые идеи и подтексты. Перемещаясь, ценности теряют свое истинное содержание — перформируются; переписывается не только политический расклад ценностей — возникает иная интерпретация духовной аксиологии, когда начинают попираются священные социокоды: «слеза невинного ребенка», «невозможность крови по совести». М. Бахтин писал: «игра — это мир-перевертыш, инобытие, где жизнь... разыгрывает... другую свободную (вольную) форму своего существования» [1, с. 263]. В современном медиадискурсе перестают быть «блистательной неопределенностью» и приобретают отрицательные коннотации изначально положительные понятия с обобщающим родовым именем: демократия, свобода слова, свободный рынок, Евросоюз, толерантность и др.

Полнота реализации игры возможна при отречении от знаковых скреп памя-

ти, цементирующих ценности. Спектакль демонстрирует «современную социальную организацию паралича истории и памяти», — заметил Г. Дебор [4, с. 159]. В современном медиатексте разных каналов коммуникации дублируется идея «переписывания истории и потери памяти», сопровождающаяся страстным желанием ничего не видеть, не знать, забыть: «Киев ничего не слышит, ничего не видит» (КП. 2015. 26 янв.), «...венгерская амнезия. Как на Дунае относятся к юбилею освобождения Будапешта» (АиФ. 2015. 13 февр.), «всё это другая история, которую не хотят знать» («Вести». Россия 1. 2 марта 2015 г.); «чтобы вылечить болезнь, нужно признать ее существование» (Взгляд. 2015. 26 марта).

Метафорический образ болезни также вписан в сценарное развертывание концепта «война». Совокупностью когнитивных признаков, представляющих данный гештальт, выступают: патология, шизофрения, наркотическая зависимость, бред, метастазы: «патологическая настырность Украины загонять себя в одни и те же ловушки», «раздвоение личности. Киев призывает к миру, продолжая обстрел Донбасса», «украинские боевики принимают наркотики», «агитационная болезнь», «неофашизм — болезнь, с которой надо бороться», «культурная болезнь Запада», «раздробленность — не детская болезнь», «бредни, достойные психоневрологической больницы», «бред сумасшедшего», «метастазы государства» и т. д. (Выборка 2014–2015 гг.: КП, АиФ, Изв., Рос. газета; «Новости». Первый канал; «Вести». Россия 1; «Сегодня». НТВ).

Театральность концептуализированной сферы «война» в российском медиатексте, несмотря на свою абсурдность, излишнюю эмоциональность, несомненно, конгруэнтна специфике восприятия российской аудитории. Русский человек может прекрасно жить в условиях абсурда, по определению С. А. Глузмана, «ругаясь,

страдая, но радуясь жизни... в ситуации невозможности понять то, что не поддается объяснению» [3, с. 254], по причине отсутствия в российских СМИ объективной и разноплановой информации.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Венедиктова Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительные исследования на материале английского и русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
3. Глузман С. А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетей, 2010. 332 с.
4. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 224 с.
5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2004.
6. Хейзинга Й. Homo Ludens (Человек играющий). М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 352 с.

I. V. Erofeeva

Transbaikal State University (Chita, Russia)

War as a “theatre of operations”: cognitive aspect of modern media text

The study provides linguoculturological analysis of the concept WAR in space of the media text. The author characterizes the concept etymologically and indicates a close interconnection between war and peace (theatre) in a binary position.

The study analyzed more than 100 texts from the Russian newspapers and TV channels and revealed plurality and variability in objectivation of the conceptual sphere of WAR, it also presented the characteristic of the most prevalent key frames such as absurdity, game, illness.

Keywords: *the War concept, media text, representation, values, national model of peace.*

В. И. Карасик
Волгоградский
государственный
социально-
педагогический
университет

В статье рассматриваются признаки криминализации сознания, объясняются нормы криминального мира, охарактеризована специфика инволюционного вектора в развитии общества, показаны особенности криминальной эмблематики в коммуникативных действиях. Доказывается, что в основе криминализации массового сознания лежит замещение этических и юридических норм правом физической силы, опирающейся на пассивное виктимное поведение большинства населения. Криминализация массового сознания семиотически организуется как эмблематическое выражение инстинктов толпы, готовой к спонтанному причинению вреда всем окружающим.

Ключевые слова:
*массовое сознание,
криминализация, эмблемы,
социальная инволюция,
снятие запретов.*

© Карасик В. И., 2015

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: ПРИЗНАКИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ

Гуманитарное знание представляет собой систематизированную информацию о человеке как феномене культуры. Динамика культурной среды, в которой живет общество, существенным образом влияет на самоидентичность человека с учетом всей совокупности его характеристик. В этой динамике можно выделить доминирующие тенденции, которые неизбежно проявляются в коммуникативном поведении и требуют интерпретации. В обществе неизбежно возникают конфликты, обусловленные социально-экономическими проблемами, состоянием природной среды обитания, распространением заболеваний и т.д. Это ведет к криминализации массового сознания. Тревога по поводу изменения норм и обыкновений в ежедневном поведении становится весьма ощутимой, это активно обсуждается в прессе, в обиходном общении, на законодательном уровне (показателен недавно принятый закон о запрете нецензурной брани в произведениях литературы и искусства, в продукции средств массовой информации, в концертах, театральных постановках, зрелищно-развлекательных мероприятиях, а также при показе фильмов в кинотеатрах). Отсюда вытекает необходимость систематизации и объяснения сложившегося положения дел.

Установим семантические дистинкции. В специальной литературе различаются следующие понятия: 1) девиантность — социально значимые отклонения от общепринятых норм поведения, 2) делинквентность — нарушения этих норм, которые в своих крайних проявлениях являются уголовно наказуемыми, 3) криминальность — совокупность характери-

стик поступка, позволяющая возбудить уголовное дело, 4) криминализация — распространение норм уголовного мира в сознании всего населения, 5) призонизация — распространение норм тюремного поведения.

Криминализация как социальный феномен затрагивает жизнь всего общества и является предметом анализа юриспруденции, социологии и психологии [13; 17; 22; 24; 19; 4; 5; 7; 20; 23; 9; 11; 12; 3; 21]. Отмечено, что криминализация современного общества достигла опасных пределов. Это выражается в замещении права такими установками, способами регуляции взаимодействий, которые выражают утверждение своеволия, индивидуализации интересов, их отграничение от общезначимых; в ускоренном росте резерва преступного мира, что отражается в уровне делинквентности среди молодежи, несовершеннолетних; в беспрецедентном распространении девиации, понижении степени чувствительности социума к внеправовому и аморальному [11]. В лингвокультурном аспекте, насколько мне известно, криминализация сознания еще не была предметом специального изучения, хотя криминальное арго и семиотика криминального мира неоднократно привлекали к себе внимание публицистов и исследователей [14; 6; 2; 18; 8; 16; 15; 1; 10].

Предполагается, что: 1) криминализация сознания выражается в определенных базовых ориентирах, нормах и обычновениях поведения и 2) существуют вербальные индикаторы, позволяющие диагностировать криминализацию массового сознания.

Понимание культуры как противоположного натуре (природе) феномена требует принять первичное определение культуры как системы запретов вести себя не по-человечески. Такие запреты формулируются в религиозных и юридических кодексах и соответствуют основным нормам коллективной жиз-

ни: 1) нельзя причинять вред своим; 2) нельзя убивать людей; 3) нельзя наносить физические увечья людям; 4) нельзя без разрешения присваивать чужую собственность; 5) нельзя проявлять сексуальную распущенность; 6) нельзя демонстрировать неуважение к старшим; 7) нельзя причинять страдания детям и немощным людям; 8) нельзя давать ложные клятвы; 9) нельзя заниматься колдовством. Этот список меняется в разные эпохи и детально уточняется в обычаях и правилах поведения разных народов. Нарушение таких запретов обычно немедленно пресекается в обществе, а нарушители получают наказание.

Обсуждая природу преступности, ученые квалифицируют ее и как социальную патологию, и как неизбежное свойство общественного развития и признают, что есть люди, склонные к совершению социально опасных поступков, есть те, кто никогда не пойдет против совести и закона, и те, кто может в определенной ситуации намеренно нарушить нормы человеческого поведения. В качестве сдерживающих факторов, препятствующих развязыванию злого начала в человеке, выступают совесть, страх и соображения целесообразности. Если для юристов важно противопоставить преступность фактическую и скрытую, выявить объекты преступлений (наиболее частотны покушения на чужую собственность и насильственные действия), то социологи и психологи стремятся найти криминальные качества личности, объясняющие мотивацию совершения преступления. К таким качествам обычно относят: установку на причинение ответного либо упреждающего вреда другим людям, уверенность в том, что все поступает несправедливо, гедонистическое желание жить сегодняшним днем, убеждение в том, что можно найти хитрый способ избежать разоблачения, привычку поступать спонтанно и не контролировать свои эмоции, а также мнение о том, что

каждый мужчина должен побывать в местах лишения свободы [9, с. 23]. Все эти поведенческие стереотипы имеют коммуникативное проявление.

Юристы, социологи и психологи говорят о девиантном поведении, которое рассматривается как отклонение от нормы, и о делинквентности как психологической тенденции к правонарушению [13, с. 7]. Причины девиантного поведения различны: ухудшение материального положения, рост безработицы, крушение идеалов, снижение культурного уровня населения, распространение культа силы, агрессивности и жестокости, правовая неграмотность, снижение уровня физического и психического здоровья значительного количества людей, отсутствие должного сексуального воспитания. Высказано мнение о том, что определенная доля вины за стремительную криминализацию нашего общества лежит на средствах массовой информации, которые, во-первых, намеренно повышают эмоциональный градус новостной ленты, стремясь сделать подачу информации более развлекательной, а во-вторых, «моделируют эффективные практики делинквентных действий, вербализуя нормы, принципы и способы организации криминальных сообществ» [3, с. 11]. Определенная доля истины в этом критическом замечании есть, хотя не журналисты виновны в общем падении культуры в социуме, а именно культурный уровень создает надежный фундамент для рационального и гармоничного мировосприятия.

Криминальное сознание выражается в принципиальном неприятии сложившихся юридических и моральных норм общества, в противопоставлении себя как новой элиты остальному обществу, в выработке своих корпоративных норм, в противодействии тем, кто охраняет правопорядок.

Для осмысления феномена криминализации сознания необходимо сформу-

лировать исходные тезисы, на которых строится система наших представлений о должном.

Любое сообщество вырабатывает нормы поведения для своих членов. При этом постулируется, что закон обязателен для всех. Нарушения норм подлежат наказанию. Нормы поведения сориентированы на соблюдение баланса интересов разных членов сообщества. Так, уважение к старшим и сильным должно быть симметрично заботе о младших и слабых.

Допускается вероятность случайного и намеренного нарушения таких норм. Предполагается, что решение о квалификации нарушения норм и о мере наказания принимает тот, кто занимает высшую ступень в социальной иерархии. Этот человек либо сам осуществляет наказание, либо приказывает определенным людям привести наказание в исполнение.

Существуют обиходная (иногда именуемая наивной) и специализированная (в частности, научная) картины мира, отчасти совпадающие, но различающиеся сферами их описания. Так, представления о должном разграничиваются: обиходные представления фиксируются в нормах морали, специализированные — в юридических кодексах.

Граница между юридическими и моральными нормами относительна. В законах кодифицируются важнейшие нормы общества, в разные эпохи в разных социумах одни нормы являются приоритетными, а другие отступают на второй план. Например, в Древнем мире и в эпоху Средневековья колдовство считалось одним из самых осуждаемых преступлений, колдунов сжигали на кострах. В наши дни общество относится к этим людям в целом безразлично, полагая, что на самом деле те, кто выдает себя за магов, — это фокусники и мошенники, а действие магии объясняется самовнушением.

Аналогичным образом соотносятся между собой представления о том, что

является моральным и аморальным. Присвоение чужой собственности может рассматриваться и как преступление, и как полезное для себя и племени действие. Вспомним пример готтентотской морали: если у меня украли скот — это плохо, а если я украд скот — это хорошо. Соответственно любая норма морали и права допускает различное оценочное истолкование у разных людей и социальных групп, хотя выделяются нормы, разделяемые либо почти всеми, либо многими, либо лишь некоторыми.

Неприятие официальных норм широкими массами населения не рассматривается как криминальное сознание. Во все эпохи циркулирует мнение о том, что существующие сформулированные нормы несправедливы, лживы и созданы для угнетения тех, кто им подчиняется. Такая позиция может иметь пророческое выражение, как, например, в классическом четверостишии Уильяма Блейка (перевод С. Маршака):

От дьявола и от царей земных
Мы получаем знатность и богатство.
И небеса благодарить за них,
По моему суждению, — святотатство.

Отсюда вытекают нормы революционного сопротивления любой тирании и сложившемуся порядку вещей. Правящая элита воспринимает подобные высказывания как призывы к свержению существующей власти, и это обычно квалифицируется как тяжкое преступление, диспозиция которого закреплена в юридических кодексах. Но в коллективном сознании протест против несправедливого миропорядка не ассоциируется с преступлением.

В коллективном сознании отмечено критическое отношение к нормам и обычаям общества применительно к базовым нарушениям морали. В. И. Даль в своей известной книге «Пословицы русского народа» приводит более 100 рече-

ний под рубрикой «Суд — лихоимство». Лихоимство в современных толковых словарях определяется как взяточничество, ростовщичество и вымогательство, но внутренняя форма этого устаревшего слова предполагает более широкое осмысление соответствующего поведения: это преступная страсть к обогащению нечестным образом. Ситуации, отраженные в пословицах, свидетельствуют о том, что лихоимство было весьма распространенным пороком власти. В наши дни для этого используется заимствованное слово *коррупция*. Прежде всего, пословицы констатируют несправедливость суда и произвол судей:

Неправдою суд стоит.

Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит.

Закон — дышло: куда хочешь, туда и воротишь.

Соответственно государственные законы воспринимаются как антипод общечеловеческой справедливости.

Прямым текстом говорится о продажности судей:

Судьям то и полезно, что в карман полезло.

В суд ногой — в карман рукой.

Утиног зоба не накормишь, судейского кармана не наполнишь.

Коллективное мнение не осуждает тех, кто в меру использует свои возможности для личного обогащения, нарушая официальные правила:

Повар с голоду не умирает.

Около печи нельзя не нагреться.

Быть у воды — как не напиться.

Обратим внимание на четко выраженное оценочное позиционирование применительно к обогащению: представителей власти народ не прощает за такие нарушения, а простых людей за это не осуждает.

В паремиях показано, что наказывают не тех, кто виноват, а тех, кто послабее:

Что ворам с рук сходит, за то воришек бьют.

*Малый вор бежит, большой лежит.
Шмель проскочит, а муха увязнет.*

Заслуживают внимания речения, в которых выражены нормы поведения, относящиеся к разным слоям населения:

Не из таких, чтобы грабить нагих.

Нагих (т. е. очень бедных) грабить нельзя, отсюда следует, что в отношении богатых данный запрет не всегда соблюдается.

Пословицы выражают коллективное мнение большинства людей, которые не считали себя преступниками. В современной России приведенные установки не изменились, отсюда и речения вроде *Не подмажешь, не поедешь*, множество анекдотов о сотрудниках государственной автоинспекции, а также амбивалентное отношение к правоохранительным органам и суду.

По данным социологов в 2013 г. 3% россиян успели побывать на нарах, у 14% в тюрьме свой срок отсидели близкие родственники (*Добрынина Е.* Блатная романтика в России не прижилась // Рос. газета. 2013. 9 июля). Отсюда следует, что тюрьма и зона оказали существенное влияние на значительное число людей. Но криминальное сознание выходит за рамки противозаконных действий, за совершение которых следует нести юридическую ответственность. В обиходном сознании преступником является тот, кто нарушает неписаный кодекс человеческого поведения, намеренно нанося существенный вред другим людям и подвергая опасности их жизнь, здоровье, самоуважение и собственность. Противодействие преступнику рассматривается как должное поведение. В русском коллективном и индивидуальном сознании четко дифференцируются нормы морали и нормы закона. В ряде случаев возникают дополнительные оценочные аспекты по отношению к таким нормам. Показателен пример из интернет-обсуждения проблемы «жить по закону и жить по понятиям»:

1. Ментовские понятия — это государственные законы. 2. Людские понятия — это общечеловеческие ценности. 3. Воровские понятия — это понятия людей, которые сознательно посвятили свою жизнь преступному миру. 4. Гадские понятия — это вот что: «буду делать то, что хочу, и то, что мне выгодно, мне на всех наплевать». К примеру, мент, защищая понятия ментовские, может при этом поступать по-людски (если соблюдает законность), а может — по-гадски (если ради того, чтобы получить премию и повысить раскрываемость, бьет и пытается задержанных).

Автор этого комментария противопоставляет четыре базовых отношения к нормам жизни: власть — простые люди — преступники — эгоисты. Обратим внимание на последний тип субъектов, который объединяет представителей любой из обозначенных первых трех групп. Отсюда следует, что у каждой из этих трех групп есть право на свою систему ценностей, норм и обыкновений, и они осуждаются только в случае эгоистичного пренебрежения интересами других людей. Такой подход резко противоречит официальному противопоставлению законопослушных добропорядочных граждан и нарушителей закона. В сознании большинства населения преступник — это шпана, хулиган, пристающий к прохожим или поджидающий жертву в темном переулке, обычно пьяный, либо вор, который залез в квартиру, либо мошенник, втершийся в доверие и обманувший легковверного человека. Типичные представления о таком поведении выражены в следующем интернет-комментарии:

Жить по понятиям, вести себя по-пацански, быть смотрящим за районом (школой, институтом), отбирать деньги у младшеклассников, развод на бабки, русский шансон — всё это позор для России. Нормальные цивилизованные страны не живут так, а если и жили когда-то, то быстренько вышли из этого.

В этом суждении прямо выражена отрицательная оценка неконтролируемого права сильного диктовать свою волю всем остальным. Вместе с тем пессимистический взгляд на справедливое мироустройство, предполагающее защиту большинства от произвола хищников, выражен в следующем распространенном высказывании: *Мафию нельзя победить, но ее можно возглавить*.

Итак, первый признак криминализации сознания состоит в признании естественности права сильных на подавление всех остальных. Отсюда следует отрицание сдерживающих факторов в виде официального закона и моральных норм. Любые протесты заведомо обречены на поражение.

Из этого признака логически вытекают два других: срастание официальной власти с криминальными структурами и возрастание пассивности населения, молча принимающего сложившееся положение дел. Тема срастания официальной и криминальной власти составляет разветвленный сюжет многих современных книг, фильмов и компьютерных игр, созданных в нашей стране и за рубежом, при этом в конструируемом мире всегда находится мужественный герой, который в одиночку или с помощью друзей побеждает всесильную криминальную власть. В действительности мы сталкиваемся с другими ситуациями, когда, например, некая женщина, в одиночку воспитывающая больного ребенка, в течение долгого времени безуспешно пыталась получить деньги на лечение от государства, а затем обратилась к криминальному авторитету, вору в законе, который распорядился оказать ей помощь из средств общака — фонда взаимопомощи преступников. Такого рода нарративы выражают один из неувядающих мифов о справедливом разбойнике, который защищает бедных. В Англии эта мифология оформилась в сказания о Робин Гуде. Подобные мифы имеют некую

мессианскую основу, выражая надежду людей на приход Спасителя.

Пассивное принятие большинством произвола преступников имеет два основных способа выражения: рациональную констатацию безрезультатности сопротивления (речения *Плетью обуха не перешибёшь*, *Против лома нет приёма*) и оправдание сложившегося положения дел (различные повествования о том, что в результате избавления от прежних притеснителей стало только хуже).

В экономическом плане важнейшей характеристикой криминализации мышления является увеличение деклассированных элементов в обществе. К. Маркс ввел в научный обиход термин *люмпен-пролетариат* (нем. Lumpen — лохмотья, тряпье, рвань, отрепье). Таким людям свойственно ощущение своей выброшенности из жизни и вытекающее отсюда желание отомстить всем за свое положение изгоев.

Криминальная среда стремится к определенной стабилизации, вырабатывает правила поведения для своих членов. Нарушение таких правил получило название *беспредел*. Понятно, что воровская среда представляет собой агрессивное сообщество, в котором постоянно происходят столкновения в борьбе за власть, и поэтому для его субъектов важно противопоставить не только сообщество воров, его главных врагов — официальную власть в лице правоохранительных органов и остальное население, рассматриваемое как объект добычи, но и своих и чужих в воровской среде, при этом к чужим относятся те, кто согласился сотрудничать с органами охраны правопорядка (в частности, доносчики), нарушители воровского кодекса (например, «крысы», которые занимаются хищениями у других заключенных) и бывшие воры, изгнанные из своего сообщества либо добровольно отказавшиеся жить прежней жизнью. Интересно отметить, что в тюремном сообществе выработалась цветочная символика для обозначения этих

субъектов: представители воровского мира — черный цвет, большинство обитателей исправительно-трудового учреждения — серый цвет, сотрудничающие с органами правопорядка — красный цвет, изгои — голубой цвет.

Воровской мир в значительной мере герметичен. В условиях криминализации массового сознания и распространения криминального образа жизни в обществе возникают моменты знакового непонимания воровских обычаев теми, кто, будучи чужим, пытается казаться своим среди воров. Примером может служить известный жест «коза» — расставленные указательный палец и мизинец, а средний и безымянный прижаты к ладони. В годы массового распространения норм воровского мира в последнем десятилетии XX в. в нашей стране этот жест получил название *распальцовка* — обычно он демонстрировался двумя руками сразу и выражал собственное превосходство в виде шутливой угрозы. Среди воров этот жест имеет более четкое осмысление — реальная угроза выколоть глаза. Соответственно, когда неопытный вор пытался выглядеть бывалым на сходке и демонстрировал этот жест в направлении криминального авторитета, он вполне мог получить удар ножом в бок.

Пассивное принятие населением норм воровского мира широко представлено в коммуникативных моделях поведения и в активном проникновении тюремно-блатного жаргона в повседневную речь. Так, в современном русском языке произошло фактическое замещение значения глагола *разбираться*: вместо смысла «быть сведущим в чем-либо» появилось арготическое «выяснить отношения — провести разборку, т. е. обсуждение неправильного поведения кого-то из своих с принятием решения о наказании», и соответственно словосочетание *разбираться в чем-то* трансформировалось в colloquialism *разбираться с кем-то*. Прочитав интересный комментарий, относящийся

к предмету нашего рассмотрения: «О широко распространенном в повседневной речи тюремных арготизмов свидетельствует, в частности, комичная ситуация, возникшая на теледебатах между кандидатами в президенты во время предвыборной кампании весной 2004 года. Обсуждая нарушения, допущенные во время избирательной кампании, кандидат Ирина Хакамада упомянула о своей жалобе генеральному прокурору, ошибочно употребив арготизм „малява“, на что сразу же было указано другим кандидатом, Олегом Малышкиным, и ведущим телеканала „Россия“ Эрнестом Мацквичусом. Действительно, жалоба официально лицу никак не может быть „нелегальной запиской, письмом“, зато может быть „телегой“» [15, с. 17].

Подобные вторжения эмблем криминального мира стали частотными в конце 80-х годов XX в. (интонационная растяжка произношения с носовым призвуком в речи юношей-подростков: *Ты чё, не пацан?*), распространенное обозначение своих словами *братва, братаны*, активное использование табуированных арготизмов, обозначающих статусное распределение людей по сексуально-переосмысленному признаку (подобные знаки подчиненности свойственны, как отмечают исследователи, и приматам). Сюда же относится и новая эстетика татуировок, которые в нашей культуре ранее были достоянием криминального мира и несли в себе различную информацию о заключенных. В результате глобализации и распространения переосмысленного эстетического канона «черного протеста» из негритянских гетто США татуировки, восходящие к древним ритуальным африканским украшениям, стали повсеместно использоваться в молодежных субкультурах по всему миру и совместились с бывшими индикаторами криминального сообщества.

Криминализация массового сознания проявилась в понижении эмоциональ-

ного переживания по поводу насилия. Известно, что в Англии времен Шекспира вооруженные драки на улицах были распространенным явлением, одинокие женщины не могли появиться в чужом месте без сопровождения защитника, издевательства над животными не вызывали ни у кого протеста [25]. В современном мире жестокость и насилие доминируют в виртуальном пространстве кинопродукции, медиаинформации и компьютерных игр. Натуралистические подробности избиений, детальных изображений расчлененных тел, исполнения смертных приговоров не удивляют публику. Такое положение дел вводит большинство населения в состояние виктимной готовности подвергнуться насилию. Показательны заголовки современной криминальной хроники:

Владелец «вкусной» фирмы сэкономил на зарплате подчиненных более 300 тысяч рублей.

Под Волгоградом под суд идет 25-летний лидер банды торговцев героином.

В пруду под Волгоградом найдено тело рыбака с 60 ножевыми ранениями.

Житель Волгоградской области едва не зарезал брата-близнеца.

Житель Волгоградской области открыл стрельбу по своим приятелям.

Сообщения на криминальную тему даются в стандартном формате новостной ленты:

Рецидивист из Камышина ограбил прохожую среди бела дня.

Мужчина сорвал с проходившей мимо женщины золотые серьги и цепочку.

ЧП произошло на минувших выходных. Утром 3 мая 50-летняя жительница Камышина вышла из дома, чтобы прогуляться по магазинам. Она шла по улице Ленина, когда к ней подбежал незнакомец. Женщина опешила, отшатнулась, а мужчина в это время с силой дернул ее за цепочку, висевшую на шее. Цепочка порвалась, оставшись в руке грабителя, а тот тем временем сорвал с ушей про-

хожей золотые серьги. От боли женщина закричала, но все произошло настолько быстро, что она даже не сумела дать отпор уличному разбойнику. Только когда он скрылся, женщина, собрав все силы, поплелась в полицию, где заявила о похищении у нее драгоценностей на сумму 22 тысячи рублей.

Благодаря оперативно поступившей информации и профессиональным действиям сотрудников полиции подозреваемый был задержан по «горячим следам». Им оказался 30-летний местный житель, который только в прошлом году освободился из мест заключения.

— *Мужчина уже заключен под стражу, по факту совершенного им грабежа возбуждено уголовное дело, — прокомментировали ИА «Волга-Медиа» в ГУ МВД области. (Источник: ИА «Волга-Медиа». URL: <http://vlg-media.ru>).*

Репортеры сообщают о фактах, стараясь излагать новости лаконично. Обратим внимание на специфическое выражение оценки в приведенном сообщении: поступок преступника показан без оценки, состояние потерпевшей изображено без сочувствия (жертва поплелась в полицию), но действия сотрудников полиции охарактеризованы как профессиональные.

Насилие на экране вызывает естественную защитную реакцию — повышение эмоционального порога восприимчивости по отношению к такой информации. Люди индифферентно воспринимают сцены насилия, кровь и ужасы, теряя ощущение реальности происходящего. Такое безразличие приводит к эмоциональному отупению — патологической неспособности к сопереживанию. Психологи и психиатры говорят о том, что эмоциональная тупость — в крайнем своем выражении «эмоциональная деменция» — проявляется как стойкое оскудение эмоциональных переживаний, касающееся в первую очередь высших эмоций (чувств),

при этом происходит растормаживание низших эмоций (повышенная сексуальность и прозорливость). К сожалению, суггестивное воздействие рекламных роликов направлено на эти же сферы, в результате чего происходит резонанс социально опасных проявлений личностной дегенерации.

В определенной мере индикатором криминализации сознания общества является частотность блатных песен в телевизионном и радиозэфире. Такие произведения обозначаются как «русский шансон». В этих песнях отражены быт и нравы уголовной среды. Темы этих песен — жалоба на злую судьбу, расплата за предательство, несправедливость миропорядка, жестокость притеснителей. Такие произведения трафаретны по содержанию и по форме и поэтому легко поддаются стилизации (например: А. Левин. «Задохали мурылика банданы»).

Криминализация массового сознания сводится к первобытному примитивизму и включает в себя особые признаки отношения к миру, о которых писал Д. С. Лихачёв: 1) магическое восприятие реальности (в воровской среде высоко ценятся карты — и как предмет игры, и как способ узнать предзнаменование о будущем), 2) магическая вера в заклинания (таково древнейшее значение бранной лексики), 3) воровское хвастовство, напоминающее камлание шамана, 4) воровская кличка как знак принадлежности к сообществу воров, 5) речевые эмблематические знаки принадлежности к этому сообществу (особая походка, парольные слова, узнаваемая своими интонация), 6) табуирование прямого обозначения определенных действий и предметов (например, *мокрое дело* вместо убийство) [14]. Эти признаки составляют классическое определение сути криминального сознания. В целом же криминализация сознания в нашей стра-

не объясняется резким обнищанием огромной части населения и нейтрализацией различия между добром и злом в новой картине мира. Отметим, что такая нейтрализация характерна для постмодерна как системы установок по отношению к реальности.

Резюмирую.

Криминализация массового сознания — распространение в обществе норм криминального мира — проявляется в замене моральных ориентиров поведения на право сильных контролировать окружающих, в снятии моральных запретов, в отождествлении официальной и криминальной власти, в пассивном принятии большинством населения своей жертвенной участи, в презрении к официальному закону, в распространении криминальной эмблематики в поведении и речи, в понижении эмоционального переживания по поводу насилия. Криминальное поведение вырастает из делинквентных поступков, представляющих собой действия, мотивом которых является причинение вреда другим людям; причинами таких поступков выступают различного рода девиации в установках людей. Концентрированным выражением криминализации является призонизация — осмысление реальности как тюрьмы, признание несправедливости как основы миропорядка и своего права мстить этому несправедливому миру. Экономически криминализация обусловлена люмпенизацией значительной части населения, биологически — ослаблением физического и психического здоровья населения и, как следствие, возрастанием числа людей с патологическими поведенческими склонностями, социально — падением общего уровня культуры социума, санкционируемым раскрепощением низших эмоций, привыканием к демонстрации насилия, незащищенностью граждан со стороны государства и в целом — культурной инволюцией в направлении первобытного сообщества.

Литература

1. *Абрамкин В. Ф.* Тюремная субкультура // Отеч. записки. 2008. № 2 (41). URL: www.stranapoz.ru.

2. *Александров Ю. К.* Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2001. 152 с.

3. *Артюхов А. В.* Криминализация современного российского общества: социокультурный анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-н/Д, 2003. 27 с.

4. *Войцехович В. Э.* О некоторых причинах пропаганды средствами массовой информации воровской культуры // Преступность и культура. М.: Рос. криминол. ассоциация, 1999. С. 107–109.

5. *Гаджиева А. А.* Криминальная идеология, средства массовой информации и виктимизация населения // Там же. С. 109–111.

6. *Грачёв М. А.* Язык из мрака: блатная музыка и феня: словарь арготизмов. Н. Новгород: ФЛОКС, 1992. 203 с.

7. *Гурвич И. Н.* Виктимизация как фактор изменения правосознания // Социол. исслед. 1999. № 1. С. 142–143.

8. *Ефимова Е. С.* Субкультура тюрьмы // Современный городской фольклор. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. С. 231–266.

9. *Инишаков С. М.* Криминология: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. 432 с.

10. *Клеймёнова Е. Г.* Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Философия, социология, психология, педагогика. 2012. Вып. 4. С. 33–37.

11. *Кривошеев В. В.* Криминализация российского общества: состояние, тенденции развития, прогноз: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2001. 314 с.

12. *Кривошеев В. В.* Особенности аномии в современном российском обществе // Социол. исслед. 2004. № 3. С. 93–96.

13. *Кудрявцев В. Н., Никифоров Б. С.* Вступительная статья // Социология преступности: современные буржуазные теории: сб. статей: пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 5–24.

14. *Лихачёв Д. С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. Т. 3–4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 47–100.

15. *Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю.* Тюремная субкультура в России. Таганрог: Изд-во Таганрог. радиотех. ун-та, 2006. 112 с.

16. *Мацкевич И. М.* Криминальная субкультура. URL: <http://rli.consultant.ru/magazine2005/01/criminology/art/>.

17. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. статей / пер. с англ. М., 1966. С. 299–314.

18. *Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001. 418 с.

19. *Пирожков В. Ф.* Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функций, содержания, атрибутики // Психол. журн. 1994. Т. 15, № 2. С. 38–51.

20. *Разинкин В. С.* О пропаганде криминальных обычаев и традиций // Преступность и культура. М.: Рос. криминол. ассоциация, 1999. С. 111–118.

21. *Романенко М.* Тенденции криминализации общественных отношений // Преступление и наказание: криминализация России как социально-политическое явление. М.: Альфа, 2004. С. 76–99.

22. *Селлин Т.* Конфликт норм поведения // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. статей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 282–288.

23. *Юцкова Е. М.* Криминологически значимые аспекты деятельности СМИ // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М.: Рос. криминол. ассоциация, 1999. С. 217–226.

24. *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология: социально-психологические закономерности противоправного поведения. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.

25. *Gorer J.* Exploring English Character. New York: Criterion Books, 1955. 328 p.

V. I. Karasik

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Mass consciousness criminalization: features and means of expression

The article deals with consciousness criminalization features, behavioral norms of the crimi-

nal community, social involution indicators and criminal emblems of communicative actions. I argue that the basis of such criminalization is moral and legal norms substitution by physical force combined with passive victim behavior of the majority of population. Mass consciousness criminalization is semiotically organized as emblematic manifestation of mob instincts aimed at spontaneous damage infliction to everyone around them.

Keywords: *mass consciousness, criminalization, emblems, social involution, removal of bans.*

А. В. Полонский
Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Пореформенная Россия в изобилии извлекала из опыта жизни русского человека нравственные проблемы, вынося их на суд широкой общественности. Российское общество нуждалось в знаниях, в которых преобладало бы неискаженное видение социальной действительности и мировоззренческое суждение о ней. В статье рассматривается роль «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского в философско-публицистическом диалоге российской общественности о пошлости.

Ключевые слова: *Россия, общественный диалог, Ф. М. Достоевский, культурные ценности, пошлость.*

© Полонский А. В., 2015

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ФИЛОСОФСКО- ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ О ПОШЛОСТИ

В России вторая половина XIX в. обозначилась как эпоха не только «великих реформ», но и «духовно-мировоззренческих поисков», когда многочисленные публичные и кулуарные дискуссии российских элит устойчиво переходили в сферу реальных политических решений и социальных преобразований. Общество, в целом понимая необходимость обновления, по-разному на эти процессы реагировало.

1. Новая эпоха в изобилии извлекала из опыта жизни русского человека проблемы, вынося их на суд широкой общественности, поскольку иначе, оставшись без врачующего общественного мнения, без суда «общественной совести», они способны были привести культуру к невосполнимым духовным и нравственным потерям. Одной из самых обсуждаемых в это время становится тема пошлости. «Россия, — замечает А. Р. Небольсин, — особенно остро переживала новое зло. И потому почти для всех крупных русских писателей — от Гоголя до Набокова — пошлость стала одним из главных объектов изображения» [4, с. 176]. Она стимулировала в русской культуре напряженный мировоззренческий диалог, содержательной целью которого стало осмысление социальной действительности и культурного статуса в ней человека. О пошлости эмоционально, взволнованно, горячо рассуждала вся «духовная аристократия» России.

2. Особая роль в осмыслении культурных программ русского человека

принадлежит Ф. М. Достоевскому. Отысканию нравственных истин, открывающих человеку сакральный смысл его жизни и не дающих ему редуцировать свою одухотворенность до пошлого, «постыдного» бытия, посвящено все творчество Достоевского, однако особое место в нем занимает «Дневник писателя» (1873–1881), богатейшая философско-нравственная проблематика которого еще раз, с новой силой показала, что Достоевский является, как пишет У. Перси, «автором беспокойным и не успокаивающим, своего рода культурной лакмусовой бумажкой, явно раскрывающей, кто к какому лагерю принадлежит. Речь здесь не идет только о социо-политических лагерях, но и о культурно-интеллектуальных тенденциях, о складе ума» [6, с. 225–226].

Свой «Дневник...» Ф. М. Достоевский начал публиковать с 1873 г. в литературно-политическом журнале «Гражданин», редактором которого он стал. После ухода из журнала Достоевский продолжил издание «Дневника...» в виде отдельных, периодически выходивших выпусков.

«Дневник писателя» никак нельзя назвать сухим обзором фактов и событий, извлеченных из реальной жизни русского человека. Это, скорее, интеллектуально и эмоционально переживаемое автором откровенное изложение событий и их взволнованный комментарий, представленный в очерках, фельетонах, воспоминаниях, небольших полемических заметках, хрониках и рассказах.

Форма публичного дневника позволила Достоевскому напрямую, непринужденно обратиться к читателям, поделиться с ними своими откровенными рассуждениями о русской действительности, своими срывающими покровы комментариями и — главное — своим мировоззренческим выводом, касающимся жизни русского человека, места в ней традиции, православной веры и

идей, воспринятых русской интеллигенцией от европейских учителей.

Пристально глядя в жизнь российского общества, анализируя ее подробности в контексте как событий текущей реальности, так и культурно-исторической перспективы, Достоевский приходит к выводу: «Я человек счастливый, но — кое-чем недовольный» [2, с. 223]. Это кое-чем имплицитно объединенную понятием «пошлость» совокупность сомнительных в нравственном и эстетическом отношении взглядов, идей и опыта жизни русского человека.

Пошлость является сквозной темой «Дневника писателя». На его страницах, правда, едва ли найдется развернутое размышление о пошлости, да и само слово пошлый, как и его дериваты, встречаются крайне редко (пошлое благоразумие, пошлое самохвальство, пошлейшая сплетня, пошлая зависть, пошло сохранять, до пошлости старый, пошлость, невежество и тупое бессмыслие), однако дело, конечно, не в слове. Переживание пошлости как порока, который в избытке «привился» русскому человеку, как «нового лика зла» [5], которое агрессивно и многообразно противостоит его жизненным ценностям и устремлениям, его благочестию и добродетели, пронизывает весь концептуальный и эмоционально-смысловой строй «Дневника...», становится его идейной и творческой доминантой, определяющей стратегии развертывания авторского замысла в концептуально-идеологическую и текстовую реальность.

В «Дневнике...» под вывеской пошлости собиралось все то, что связывалось писателем с «постыдной жизнью»: косность и банальность мысли, лишаящая человека сомнения и удаляющая его таким образом от истины; глубокий прагматизм; отчуждение человека от творческого поиска, от его личност-

ного замысла и выверенных духовной традицией идей и ценностей, от каждодневной сосредоточенности на истине, добре и красоте; неспособность чувствовать, сопереживать, «сопричастивать» высокой идее; праздность, расслабляющая ум и волю, приводящая к лени души; пустословие, которое выхолащивает мысль, приспособлявая ее к технике говорения, а не к разуму; модные теории, лишаящие человека внутренней свободы, способности к самостоятельному поиску и выбору; искаженная суть вещей, задающая ошибочную парадигму ощущений, мыслей и слов; грубая обыденность, которая готова обернуться замиранием жизни, изнуряющей бесконечностью порочного круга и духовной несостоятельностью; лицемерие и ложь, которые иссушают мысль и чувства человека, приводя его к интеллектуальному и нравственному банкротству, и т. д.

3. Гиппиус точно подметила, что Достоевский чувствовал пошлость как «холод провалов мира» [1], как порок, принимающий многообразные формы и приводящий к нарушению гармонии человека с миром, с его духовной традицией и с самим собой. Координата пошлости как признака «постыдной жизни» чувствуется в «Дневнике...» при рассмотрении любой проблемы, значимой в контексте современной писателю общественной жизни, любых, на первый взгляд кажущихся разрозненными, фактов.

Дневниковые записи наполнены чувством веры Достоевского в великое призвание России, в ее особую духовную миссию, поэтому он подвергал сомнению и уничтожающей критике все, что могло этому противостоять.

3. Источник пошлости писатель видел прежде всего в форсированном движении России к европейской модели жизни. Он был убежден, что русский человек в силу разных обстоятельств

отдаляется от нравственного идеала и в условиях пореформенной России не получает возможности для духовного обновления и движения к совместному поиску «православной правды». Достоевский отказывается признавать тот уклад жизни, который выстраивается не на основе любви к человеку, способности к сопереживанию и к духовному притяжению, а на основе «раз навсегда данного из Европы закона» [2, с. 203] — личного, разделяющего людей меркантильного интереса, глубочайшего прагматизма и безграничной власти лишнего нравственных категорий рассудка. По мысли Достоевского, от «всех идей и идеек, правильно или внезапно залетавших... <в Россию> из Европы и постепенно <ее> одолевавших и полонивших» [Там же, с. 178], исходит дурное, вредное и скверное. «Сердечная пустота» [Там же, с. 44], которая исходит от этих идей, отдаляет человека от истины, добра и красоты — трех видов «одной безусловной идеи...» [7, с. 245], воплощением которой для Достоевского, как известно, был Иисус Христос. Однако, продолжает свои размышления автор «Дневника...», антинаучные и аморальные по своей сути учения, вдохновителями и разработчиками которых были известные своим «атеизмом» и «неутолимостью аппетита наживы» либералы (и «европейские», и «доморощенные»), беспощадно и многообразно покушаются на эту идею, стремясь выветрить из памяти русского человека «сердечное знание Христа» [2, с. 83]. «Они желали столкнуть Россию, — взволнованно пишет Достоевский, — на самую пошлую и недостойную великой нации дорогу, не говоря уже об их презрении к народу, признавшему в славянских мучениках братьев своих, а стало быть, об их надменном разрыве с волею народной, выше которой поставили они свое фальшивое „европейское“ просвещение» [Там же, с. 568].

Для Достоевского обновление вне «Христовой истины», вне «православной правды» и любви, вне русской культурной традиции приводит лишь к пробуждению в душе человека «демонов» — эгоизма, насилия, жестокости, деспотизма, «жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы» [Там же, с. 690].

Побуждение к разрушению гармонии человека с миром и с культурной традицией, к деформации системы ценностей Достоевский и ощутил в быстро меняющейся на европейский манер жизни русского человека, который страшно поддался «дьявольскому искушению», «разврату стяжания, цинизма, материализма» [Там же, с. 359].

Боязнь нравственного падения русского человека, переживание его ширящегося безразличия и пренебрежения к русской традиции фиксируется в «Дневнике писателя» в следующей записи: «О, конечно, человек всегда и во все времена боготворил материализм и наклонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными изо всех сил и запасенными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке... конечно, все это было и прежде...но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель...» [Там же, с. 551–552].

Чувство особенного негодования вызывает у Достоевского закрепляющаяся в российском обществе под действием новых сил порочная практика, когда в качестве нормативной повседневности воспринимается ранее подвергавшееся несомненному осуждению и отвержению: «эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажность — не только не отошли с

уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились» [Там же, с. 164].

От нравственных основ жизни, от православной веры, хранящей Христову истину, меняет, и в этом у Достоевского не было сомнений, порядок мыслей, чувств и желаний, меняет ценности человека, характер его взаимодействия не только с другими, находящимися рядом людьми, но и с культурной традицией. Этот порок писатель замечает в доминирующем способе социального бытия современного человека, для которого нормой становится не «живое единение в одной и той же великой мысли» (Там же, с. 684), а духовная разобщенность, приводящая не только к социальному изолированию, но и к дефициту культуры, к утрате традиционных нравственных ценностей. На страницах «Дневника...» Достоевский дает развернутую концепцию социальной и духовной изоляции как социального порока, с которым столкнулось российское общество: «...Мне все кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего „обособления“... ни в чем почти нет нравственного соглашения; все разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уж на единицы. И главное, иногда даже с самым легким и довольным видом...» [Там же, с. 287–288].

Для Достоевского духовное обособление — это порок, связанный с глухотой души, с неспособностью человека к духовной и сердечной отзывчивости, с неспособностью понимать других людей и проникаться к ним сочувствием и, в конечном счете, с потерей связей с культурной традицией.

Обособление человека разрушает его естественные связи, затрудняет процесс сопричастного общения между людьми. Особую значимость в общении имеет родной язык, который обеспечивает не только обмен информацией, но и духовно-нравственное взаимодействие, благодаря которому формируется куль-

турный и духовный потенциал общества, определяются его ценностные структуры и наполняются конкретным содержанием понятия нравственного и эстетического. «Но вот тут-то и запятая, — записывает в «Дневнике...» Достоевский, имея в виду обстоятельства, связанные с тем, что родной, русский язык для значительной части российского общества оказывается востребованным лишь в своей упрощенно-редуцированной форме. Одну из причин сужения культурного пространства русского языка Достоевский видел в том, что русские образованные дворяне, активно включенные в европейскую жизнь, особый интерес обнаруживали к Франции как законодательнице общественных норм, правил и вкусов и, конечно, к французскому языку, который они воспринимали с детства, в то время как свой родной язык обретали посредством специального изучения, а не путем воспитания в русской культурной традиции.

«Потеря» значительной частью высших слоев российского общества своего родного языка становится в «Дневнике писателя» предметом жесткого осуждения как социального порока, связанного с деформацией культурных ценностей, что ведет общество к духовной несостоятельности: «Русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своем, давным-давно уж не рождаются с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике» [Там же, с. 339–400].

Тревогу у Достоевского вызывает связанное с использованием «деградированного», ущербного языка (французского или русского) измелчание мысли, которое охватило значительную часть российского общества: «Но для меня вовсе не то удивительно, что русские между собою говорят не по-русски

(и даже было бы странно, если бы они говорили по-русски), а то удивительно, что они воображают, что хорошо говорят по-французски... они сами не понимают всей... нищеты этого языка (то есть не французского, а того, на котором они говорят) и, по неразвитости, короткости и скудости своих мыслей ужасно пока довольны тем материалом, который предпочли для выражения этих коротеньких своих мыслей... Язык этот как бы краденый, а потому ни один из русских парижан не в силах породить во всю жизнь свою на этом краденном языке ни одного своего собственного выражения, ни одного нового оригинального слова... Таким образом сами осуждают свои бедные головы на печальный жребий не иметь во всю жизнь ни одной своей мысли» [3, с. 497–498].

В «Дневнике писателя» не остается без внимания и «сквернословный язык», который отражает деформацию культурных ценностей русского человека и к которому он русский человек прибегает, как замечает Достоевский, «по гадкой привычке, перешедшей чуть не в необходимость, так что даже самые далекие от сквернословия мысли и ощущения выражает в сквернословных же словах» [2, с. 191]. Писатель с чувством сожаления и негодования отмечает, что пристрастие к «эстетически каскадным темам» присуще как «русским мужикам», так и «седым и звездоносным старичкам», и «мужам, известным самыми идеальными добродетелями» [Там же]. Нарушение скверным словом чистоты и святости родного языка становится, по мысли Достоевского, причиной «скверномыслия», порчи духовной и нравственной основы человека.

Достоевский искренне верил в человека, в его способность не допустить «порок в свои мысли» [Там же, с. 224], «восстановить... образ человеческий» [Там же, с. 249], противопоставить «новому лику зла» образ красоты. Красота,

связанная с добром и истиной, со страданием и мыслью, является, по Достоевскому, основой для преодоления зла и духовного возрождения человека. Эта мысль как мировоззренческий вывод писателя звучит в словах «смешного человека», одного из «героев» «Дневника писателя»: «Я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей» [Там же, с. 589].

Предложенный анализ отраженных в «Дневнике...» взглядов Ф. М. Достоевского на пошлость, безусловно, не претендует на всеобъемлющее, панорамное рассмотрение обозначенной проблематики.

В заключение необходимо заметить, что совокупность признаков пошлости в различные периоды осознается по-разному, поскольку меняется опыт жизни человека, определяющий нравственные и эстетические координаты его культуры, однако смысловое ядро пошлости остается стабильным. Оно фиксирует ценностно-смысловую деформацию сознания человека, его неспособность возвысить свое духовное, социальное, гражданское и личностное достоинство. Достоевский показывает, что пошлость уничтожает гармонию жизни, ведет человека к нравственному и духовному дефолту, что пошлость — это недоверие к культурной традиции своего народа и безразличие к его нравственному и мировоззренческому выбору, совестливо заявленному в православной вере и в родном языке.

«Дневник писателя», в котором интеллектуальное и эмоциональное переживание переплетается с глубоким осмыслением жизни, с попыткой понять ее, обратившись к разным формам мысли, по своей сути является мировоззренческой исповедью, вписывающей философию публицисти-

ческие размышления автора «Дневника...» в парадигму мысли, константами которой являются — духовная личность с ее взволнованным переживанием веры, совести, добра, красоты и долга; благовестие Христово как безотносительный критерий истинности и нравственности; русская культурная традиция с ее опытом духовно-нравственной рефлексии ценностных понятий родины, народа, человека, любви и страдания.

«Дневник писателя» оказал огромное влияние не только на духовную атмосферу последней трети XIX в., но и на всё последующее развитие философско-публицистической мысли.

Литература

1. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Мы и они: литературный дневник, публицистика 1899–1916. М.: Рус. книга, 2003. URL: <http://gippius.com/doc/articles/o-poshlosti.html>.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., коммент. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010.
3. Достоевский Ф. М. Письмо М. П. Погодину. 26 февраля 1873 г. // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Л.: Наука, 1996. С. 497–498.
4. Небольсин А. Р. Поэзия пошлости // Человек. 1993. № 3. С. 176–182.
5. Небольсин А., Степанов А., Михайлова М. «Пошлость — не просто самодовольная посредственность; это особый облик зла...». URL: www.grad-petrov.ru/broadcast/poshlost-ne-prosto-samodovolnaya-p/.
6. Перси У. Русская пресса о «Братьях Карамазовых» МХАТа: М. Волошин и другие // Достоевский Ф. М. и культура серебряного века: традиции, трактовки, трансформации: к 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. М.: Водолей, 2013. С. 223–232.
7. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991.

A. V. Polonskiy

Belgorod State National Research University

**“Diary of writer” by F. M. Dostoevsky
in the philosophical and journalistic
dialogue on vulgarity**

Post-reform Russia exposed important moral problems and brought them to the public discussion. Russian society was in need of knowledge, which would prevail undistorted vision of social reality and ideological judgment about it. The article discusses the role of “Diary of writer” by F. Dostoevsky in Russian philosophical and journalistic dialogue on vulgarity.

Keywords: Russia, public dialogue, Dostoevsky, cultural values, vulgarity.

Эмпирические исследования

Е. А. Королёв

С.-Петербургский
государственный
университет

В статье говорится о таком малоизученном явлении, как плюрализм средств массовой информации. Приводится методика расчета шкалы плюралистичности российских средств массовой информации.

Ключевые слова:
*плюрализм медиа,
политические партии,
политическая
конкуренция, шкала
плюрализма.*

ШКАЛА ПЛЮРАЛИСТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ СМИ

Исторически в России массмедиа связаны с властью, но демократические принципы развития страны предполагают поворот к отстаиванию интересов гражданского общества и населения. Данный тезис подтверждается активным процессом медиатизации общественной жизни, расширением медиасферы, появлением новых форматов СМИ. Именно посредством прессы конкретный человек способен донести свои идеи до других — либо с помощью сотрудничества с существующими редакциями, либо создавая собственные информационные площадки. Эти процессы подкрепляют идею возвращения человека в политику, очеловечивания политической сферы. Данный постулат созвучен представлениям о демократической сущности журналистики: «не одни профессионалы должны быть в ней представлены, журналистика — есть средство выражения общественных потенций любого индивида, без исключения» [6, с. 160].

Часто исследователи критикуют принцип плюралистичности медиа, подходя к нему с учетом лишь количественных характеристик [1, с. 49–54]. Но под плюрализмом медиа мы подразумеваем не простое увеличение количества СМИ. Приход в эту сферу деятельности новых сил и появление новых форматов позволяют говорить, с одной стороны, о количественном развитии категории плюрализма медиа (число СМИ увеличивается), с другой — о его качественных характеристиках. Последний фактор нуждается в особом изучении, так как большое число людей, называющих себя журналистами, не всегда владеет профессиональными и этическими стандартами, что влияет на

Формы плюрализма медиа

Форма плюрализма медиа	Цель	Групповая форма	Форма политического плюрализма
Ограниченный плюрализм в СМИ	Сокращение процесса продвижения узких интересов	Группа давления	Номинационный плюрализм
Консенсусный плюрализм в СМИ	Достижение общественного согласия	Группа интересов	Сущностный плюрализм

содержание итогового продукта. Плюрализм в этом случае может обернуться отстаиванием разнообразных, но одновременно узкогрупповых интересов, что не будет способствовать нахождению консенсуса как одного из важнейших факторов обеспечения плюрализма. Поэтому в случае медиа мы выделяем два вида плюралистической модели:

1) ограниченный (фасадный) плюрализм медиа, в котором соблюдается только принцип количественного многообразия. Для СМИ с такой ориентацией плюралистичность выступает лишь завесой информационной политики, которая преследует отстаивание точки зрения редакции и / или учредителя, но под прикрытием соблюдения принципа разнообразия представленных идей. Происходит имитация плюралистической деятельности (номинационный плюрализм). Издание в этом случае выступает в роли группы давления;

2) консенсусный — сущностный — плюрализм медиа, когда издание ставит задачу достичь общественного согласия по тем или иным вопросам, вызывающим в обществе дискуссии. Все участники спора получают равный доступ на страницы такой газеты. При этом последняя может отстаивать определенную позицию, но не преследовать цель ее утверждения, а учитывать другие мнения. Такое СМИ мы называем группой интересов.

Схематически формы плюрализма медиа с точки зрения их взаимодействия с общественными и политическими структурами формы представлены в табл. 1.

Существование плюрализма медиа теоретики считают возможным при соблюдении ряда условий:

— структура и контент призваны более или менее пропорционально отражать различные социальные, культурные, экономические реалии в обществе в целом и отдельных сообществах;

— социальные и культурные меньшинства вправе иметь равные шансы для высказываний;

— СМИ должны служить форумом для представления различных интересов и точек зрения в обществе или отдельных сообществах;

— СМИ обязаны давать возможность выбора (информации) в каждый определенный момент времени, соответствовать потребностям и интересам их аудиторий [4].

С целью анализа современного медийного пространства, посвященного политической сфере, мы выводим шкалу плюралистичности российских СМИ. Шкала позволяет определить, какая степень плюралистичности характерна для различных средств массовой информации, и отнести то или иное СМИ к определенной форме плюрализма медиа.

На схеме представлена линейка, на которой каждая из позиций от 0 до 6 соответствует той или иной степени плюралистичности медийного поля (рис. 1).

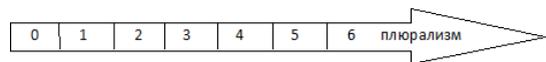

Рис. 1. Шкала плюралистичности медийного поля.

Чем эта степень ближе к 6 баллам, тем выше уровень плюрализма. В позицию 0

мы помещаем такие медиа, которые обслуживают однопартийную систему, не соответствующую изначальному плюралистическому принципу — многообразию. В качестве методического инструментария использованы три показателя:

А. Количественный принцип определяет общее число политических субъектов, которые становятся предметом информационной политики СМИ. Если в стране сложилась однопартийная система (существует лишь одна партия, газеты пишут только об ее деятельности), такое медиаполе получает 0 баллов. Если же государство допускает существование двух и более партий, то СМИ продвигаются дальше по шкале плюрализма.

Б. Качественный принцип предполагает разделение всей группы средств массовой информации, затрагивающих тему политики, на два подвида:

— те, что освещают работу провластных (официальных, подконтрольных власти) партий, общественных организаций; те, которые пишут об остальных политических институтах, в том числе оппозиционных. Ряд СМИ уделяют внимание только первым или вторым,

— другие упоминают на своих страницах сразу всех политических субъектов, но с разной оценочной подачей.

В. Оценочный принцип подразумевает, с одной стороны, нейтральную оценку системы (когда журналисты нейтрально относятся к различным институтам и партиям) и крайнюю оценку (редакции — самостоятельно или посредством учредителя — относятся к партиям субъективно и пристрастно). Объективная нейтральная оценка служит одной из характеристик плюралистичности, и если медиа смотрят на деятельность всех политических партий, общественных организаций с нейтральных позиций, то такие редакции мы располагаем на отметке 6. Крайняя субъективная оценка (негативная или положительная) способствует снижению баллов.

Для точного определения некоторых медиа на шкале плюралистичности требуется контент-анализ их информационной политики по предложенным выше условиям.

Материалом для анализа выбраны публикации трех общероссийских общественно-политических газет, которые приравниваются экспертами к числу ведущих изданий России, — «Коммерсант», «Российская газета», «Новая газета» [5, с. 151–152]. Рассмотрены газетные материалы, посвященные кризису политического участия после последних выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. (со дня после выборов до конца декабря, в течение которого состоялось несколько массовых митингов в поддержку власти и против власти). Публикации 2011 г. выбраны по причине того, что в данном случае важна демонстрация и проверка методики анализа, а не оценка новейшей ситуации в СМИ, — методика применима к любому периоду.

Качественный принцип рассчитывается из факта упоминания в публикации того или иного вида партии. Этот показатель учитывается при условии наличия в СМИ названий партий, которые не представлены в действующем составе Государственной Думы, т. е. за исключением партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия».

Позиция редакции будет считаться нейтральной в случае соблюдения ряда признаков в публикациях на тему политической повестки дня:

1) в информационных материалах слово предоставляется лидерам не только парламентских партий (комментарий, экспертное заключение);

2) точка зрения из лагеря оппозиции не вырывается из контекста и подается в нейтральном ключе, как одно из представленных мнений;

3) в аналитических материалах подразумевается ведение дискуссии и учет точек зрения оппозиции.

Главными составляющими нейтральной оценки будут служить понятия нейтральности и равноправия, как одни из важнейших характеристик плюрализма. «Равноправие в использовании СМИ для выражения своих интересов означает, к примеру, сбалансированное представительство различных социальных групп в эфире и на печатных страницах. Многочисленные конкретные исследования показывают, что этот баланс грубо нарушается в пользу так называемых элит» [3, с. 42]. Нас будет интересовать именно этот баланс — кто из политических субъектов и в какой степени становится героем газетных полос.

Под освещением в «положительном ключе» мы будем понимать текст, который акцентирует внимание аудитории исключительно на позитивных моментах деятельности той или иной партии. «Нейтральный» подразумевает сообщение фактических данных без эмоциональных оценок. Под «негативным» тоном будем рассматривать критические оценки деятельности политических субъектов.

За единицы анализа взяты показатели количества упоминаний той или иной партии (один материал приравнивается к одному упоминанию). Учитывая кризис политического участия, мы будем считать также упоминание других политических субъектов, не связанных с партиями, — гражданские организации, простых жителей, участников митингов.

Подсчитаны материалы 53 номеров «Российской газеты» с № 273 (5649) за 5 декабря 2011 г. до № 296 (5672) за 30 декабря 2011 г. За этот период вышло 49 публикаций, посвященных кризису политического участия после думских выборов. Общие результаты представлены в табл. 2.

Во время политического кризиса официальная правительственная газета ожидаемо заняла провластную позицию, сосредоточив свое внимание на критике оппозиционных политических субъектов и освещении деятельности партии вла-

сти. Из 17 положительных упоминаний парламентских партий все 17 приходится на «Единую Россию», все пять негативных отзывов — на три другие парламентские фракции. Оппозиционные политические субъекты не удостоиваются ни одной положительной оценки, чаще всего о них говорится в негативном ключе.

Таблица 2

Публикации «Российской газеты»
о кризисе политического участия в декабре 2011 года

Позиция газеты	Парламентские партии	Непарламентские партии	Провластные политические субъекты	Оппозиционные политические субъекты
Количество упоминаний	32	10	3	17
Положительная оценка	17	1	3	–
Нейтральная оценка	13	6	–	8
Негативная оценка	5	3	–	9

Митингам после выборов были посвящены 48 номеров газеты «Коммерсант» с № 227 (4768) за 5 декабря 2011 г. до № 246 (4785) за 28 декабря 2011 г. Сводные результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Публикации газеты «Коммерсант»
о кризисе политического участия в декабре 2011 года

Позиция газеты	Парламентские партии	Непарламентские партии	Провластные политические субъекты	Оппозиционные политические субъекты
Количество упоминаний	31	30	3	18

Положительная оценка	-	-	-	-
Нейтральная оценка	31	30	3	18
Негативная оценка	-	-	-	-

Газета ни разу не допускает крайней оценки и придерживается политического нейтралитета. Парламентские и непарламентские группы получают практически равную возможность высказывать свою точку зрения.

Подсчитаны также 27 номеров «Новой газеты» с № 136 (1839) за 5 декабря 2011 г. до № 145 (1848) за 26 декабря 2011 г. Общие результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Публикации «Новой газеты» о кризисе политического участия в декабре 2011 года

Позиция газеты	Парламентские партии	Непарламентские партии	Провластные политические субъекты	Оппозиционные политические субъекты
Количество упоминаний	20	9	3	26
Положительная оценка	-	5	-	24
Нейтральная оценка	4	4	-	2
Негативная оценка	16	-	3	-

Журналисты «Новой газеты» негативные оценки относят только к парламентским партиям и провластным политическим субъектам. Большинство материалов посвящено деятельности оппозиционных

политических субъектов и непарламентских образований; газета в основном положительно оценивает их деятельность.

Приведенные данные позволяют найти конкретное место для каждого выбранного издания на шкале плюралистичности российской партиомы путем использования методики подсчета, представленной в табл. 5.

Таблица 5

Методика подсчета по шкале плюралистичности для средств массовой информации

Ступень шкалы	Количественный принцип (освещение деятельности двух и более партий)	Качественный принцип (освещение деятельности непарламентских организаций)	Оценочный принцип (нейтральная оценка)	
			Парламентские партии	Непарламентские партии, организации
0	-			
1	+	-	-	
2	+	-	+	
3	+	+	-	-
4	+	+	+	-
5	+	+	-	+
6	+	+	+	+

Так как «Новая газета» и «Российская газета» допускают крайние оценки (положительные и негативные) по отношению ко всем партиям, мы их располагаем на позиции 3. Информационная политика таких разных изданий согласно шкале плюралистичности не отличается друг от друга, так как журналисты и провластной, и оппозиционной газет не ставят целью своей деятельности обеспечение переговорного процесса и поиск компромисса. В своих оценках авторы допускают не только крайние оценки, но и прямые оскорбления своих политических оппонентов. Эти газеты мы отно-

сим к изданиям ограниченного плюрализма медиа.

Так как «Коммерсант» придерживается нейтральной оценки всех политических субъектов, мы помещаем это издание на максимальную ступень шкалы плюралистичности — 6 и относим его к изданиям консенсусного плюрализма. Такую позицию СМИ занимает не только из-за превалирования нейтральной оценки, но и благодаря практически равнозначному представлению на своих страницах позиций самых разных политических акторов.

Позиция 6 на предложенной шкале соответствует таким определениям, как «гражданская журналистика» и «журналистика социально ответственная». Это особый тип журналистской деятельности, «прямо ориентированной на воспитание гражданской позиции, побуждение граждан к участию в политической деятельности, выработке социально значимых решений, нравственных ценностей, на устранение конфликтов» [6, с. 10].

Плюралистическую концепцию часто обвиняют в идеализации и утопичности. Расположение средства массовой информации на максимальной ступени шкалы плюрализма также можно было назвать невыполнимым, если бы не приведенный выше пример информационной политики газеты «Коммерсант». Выводы нашего исследования говорят о том, что шкала — это не простой теоретический опыт, а подкрепленное практической деятельностью журналистов идеальное представление о высокой миссии этой профессии. Предложенная методика расчета степени плюралистичности российских СМИ нацелена не только на анализ текущей ситуации на рынке массмедиа, но и на представление той модели плюрализма медиа, которая отвечает принципам гражданского общества и партиципаторной демократии. Разработанная шкала плюралистичности по-

зволяет точно определять положение конкретных массмедиа в рамках плюралистических теорий.

Литература

1. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна, 2013.
2. Евдокимов В. А. Роль СМИ в политизации социального конфликта: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2007.
3. Корконосенко С. Г. Политология журналистики как научная и учебная дисциплина // Журналистика в мире политики. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004.
4. МакКуэйл, Дэнис. Журналистика и общество / пер. с англ. М. Ю. Полевой. М.: Медиа-Мир, 2013.
5. Петрова М. Г. Культурная элита современной России: проблемы и перспективы // Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия: сб. статей / под ред. Я. А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010.
6. Сидоров В. А. 10 рассуждений о социологии журналистики: учеб. пособие. СПб.: Петрополис, 2012.

E. A. Korolev

St Petersburg State University

Scale of pluralism of Russian media

The article talks about the poorly studied phenomenon of media pluralism. The methodology for the estimation of the pluralism scale is presented.

Keywords: *media pluralism, political parties, political pluralism, scale of pluralism.*

С. К. Шайхитдинова

Казанский
(Приволжский)
федеральный
университет

Поводом для статьи стал информационный спор между участниками фестиваля сексуальных меньшинств КвирФест и телеканалом «Санкт-Петербург». По мнению автора, в этом споре отразились ключевые проблемы современной медиасферы. Прежде всего речь идет о низкой конкурентоспособности традиционных СМИ в сравнении с новыми медиа, в число которых входят мегапроекты в виде массовых праздников.

Ключевые слова:
*информационный спор,
права человека, СМИ,
сексуальные девиации.*

© Шайхитдинова С. К.,
2015

НОВЫЕ МЕДИА И ПРАВА

ЧЕЛОВЕКА:

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ СПОРЕ С УЧАСТИЕМ ЖУРНАЛИСТА

В марте текущего года в Общественной коллегии по жалобам на прессу было рассмотрено заявление трех лиц, выступающих от имени организаторов КвирФеста-2014 — фестиваля сексуальных меньшинств, прошедшего в Санкт-Петербурге. Предметом жалобы стал шестиминутный комментарий журналиста Валерия Татарова «Любовь Запада» под рубрикой «Реакция» на телеканале «Санкт-Петербург» [7]. Заявители утверждали, что в выступлении журналиста содержатся сведения, которые представляют собой вмешательство в частную жизнь, «унижают достоинство „ЛГБТ-граждан (то есть лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров), в частности людей гомосексуальной ориентации“», стимулируют дискриминацию, направлены на пропаганду их «неполноценности». За десять лет сотрудничества с Общественной коллегией в качестве привлеченного эксперта я такой информационный спор рассматривала впервые. В нем, как нам видится, отразились проблемы, с которыми столкнулась сегодня российская журналистика, оказавшаяся без поддержки теории.

Первая проблема: у «старых» медиа, к которым мы относим СМИ с их онлайн-версиями в Интернете, появился серьезный конкурент — новые медиа, действующие по принципу «многие — многим».

В ходе экспертного кейс-исследования нами было обращено внимание на

то, что учредительство и финансирование КвирФеста не афишируется, но при этом инвестиции в него позволяют регулярно (уже шесть лет) арендовать площадки мегаполиса для своих мероприятий, приглашать на них государственных политиков и других медийных лиц, иметь страницы в популярных социальных сетях и содержать профессионально выполненный сайт. В этой связи нами сделан вывод, что КвирФест — это мегапроект, который представляет собой те самые новые медиа. Если в сфере СМИ источник информации очевиден, то определить, кто стоит за новыми медиа, сложнее. Их эффективность, как известно, обеспечивается прежде всего через вирусную рассылку — от человека к человеку — и через возможность интерактива на панельных дискуссиях. Чем больше о данного рода проектах будут говорить, не важно со знаком «плюс» или «минус», тем сильнее их позиции, поскольку их институционализация в медиасфере происходит в том числе вследствие популяризации распространяемой ими или о них информации [4].

В результате нами был сделан вывод, что в реплике Валерия Татарова не содержатся высказывания, которые представляют собой вмешательство в частную жизнь и умаление достоинства участников КвирФеста, поскольку в информационном конфликте задействованы интересы, представленные двумя средствами массовой коммуникации, а не интересы конкретных лиц. Эти лица, включившись в фестиваль, уже стали участниками публичного пространства. Информация об их половой ориентации перестала быть личной, она сделалась предметом идеологии.

Вопрос в том, что новые медиа, входя в нашу повседневность через индивидуальные средства связи, делают невидимой границу между самовыражением личным и публичным. Если институт «старых» медиа не позволяет нам забыть,

что герои и массовки в телепередачах и публикациях — это уже некие типизированные образы и сконструированные символические общности, то здесь картина иная. Когда экран помещается в твоей ладони, а его персонажи говорят на простом, обыденном языке, возникает ощущение естественности перехода от отдельного человека к формируемой в виртуальном пространстве группе, а от него — обратно. Таким образом формируется возможность манипулятивной подмены субъектов действия.

Вторая проблема связана с тем, что традиционная журналистика не сильна в отражении рассредоточенных в пространстве, точечных наступлений новых медиа. Вследствие рыночных трансформаций в ее арсенале осела лишь «тяжелая артиллерия» жесткой лексики и скандальных заявлений, которые ведут к подмене журналистского продукта продуктом идеологическим. Что нам и продемонстрировал Валерий Татаров.

В Кодексе профессиональной этики российского журналиста [5] декларируется: журналист «не обязан быть нейтральным». Однако использование инвективной лексики для выражения своей позиции расценивается нами как злоупотребление этим правом по отношению к своей аудитории. Нарушена профессионально-этическая норма, которая указывает на то, что «журналист обязан безусловно избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей» [Там же]. Никакая общественная значимость темы, никакая информационная война не оправдывает того, что в профессионально выполненном журналистском формате в сочетании с тонкой иронией используется стиль изъяснения интернет-анонимов со злобными комментариями. Таким образом подвергается риску информационная безопасность телевизионной аудитории, внимание которой привле-

кается вследствие использования повышающих сиюминутный рейтинг скандально эпатажных слов и выражений. Инвективная лексика, вбрасываемая в публичное пространство, представляет собой язык вражды, который укрепляет позиции агрессивного большинства, формирует негативную идентичность «мы — против всех». Категоричность неприятия меньшинств играет последним на руку, формируя им репутацию «гонимых», «инаких», «жертв».

По данным социологов [9], одной из особенностей российского общества является репрессивность установок его членов по отношению к девиантам, и причины этого надо искать не только в советском прошлом, но и в политике конструирования образа «чужих» на телевидении.

Третья проблема связана с тем, что «старые» медиа (СМИ) и новые медиа вошли в противоречие по поводу того, какие ценности они представляют и отстаивают. «Новые» в большей степени ориентированы, как нам видится, на социальную дефрагментацию сетевого общества, когда часть оказывается более значима, чем целое. Опорной идеологией здесь выступают «права человека». «Старые» медиа в лице социально ответственной прессы, являющейся порождением культуры модерна, ориентированы на целостность. Общественно значимый интерес предстает высшей ценностью. А ведь именно эта ценность, как мы знаем, являет собой смысловой центр журналистской деятельности.

В жалобе активистов КвирФеста содержались такие термины: *ЛГБТ-гражданин*, *ЛГБТ-подростки*, *ЛГБТ-родители*. Таким образом игнорируется, что содержание понятий «подросток», «родитель», «гражданин» исключает их привязку к особенностям сексуального поведения. Тем более в стране, в истории которой известны периоды соотнесения слова гражданин с образом русской интелли-

генции, воплощающей в себе код национальной культуры. Гражданское состояние общества возникает, согласно сподвижникам просвещенной Европы, не вследствие абсолютизации прав локальных сообществ, противостоящих ситуации общественного диалога, а благодаря добровольному жертвованию гражданами части своих прав ради общественного блага. Общественное благо как ценность реализуется в единении индивидов с социумом [1]. То есть речь здесь должна идти о принципе единства родовой и индивидуальной сущности человека, а не о подмене одного другим. Сущность человека не может быть сведена к тому, что выражает собой девиантная субкультура.

Здесь также уместно указание Виктора Сидорова на то, что медиасфера напоминает прочно и заботливо обустроенный и обжитой поколениями семьи дом, архитектора которого и расположение помещений предопределяют глубину допустимых новаций — будущее диалектически надежно увязано с прошлым. Семья в данном случае олицетворяет ядро неизменяемого типа культуры [3, с. 28].

Маргинализация населения, поощрение отрыва от своих корней стимулирует нарушение культурной преемственности. Таким образом конструируется дискурс возвышения интересов порожденного мегаполисами меньшинства над интересами абсолютного большинства, что противоречит самой идее демократии. Расширение этого дискурса путем освоения новых площадок и проникновения в мировоззренчески незрелую подростковую, молодежную среду дискриминирует естественное право детей быть такими, как их родители, право родителей быть едиными в мироощущении со своими детьми. Игнорирование этих базовых прав имеет целью инициацию глубинных трансформационных процессов в социуме.

Нами было также отмечено, что идеологический контент КвирФеста дискриминирует право народа России на свою идентичность, столетиями формировавшуюся под влиянием основных религиозных конфессий. В современных условиях любой миромоделирующий знаниевый ресурс потенциально участвует в информационной войне [6]. Продвижение идеологии ценностно-смысловой «стерилизации пола» в связи с этим рассматривается нами как идеологическая диверсия. К сожалению, Общественная коллегия по жалобам на прессу не согласилась с выводами эксперта [8] (URL: <http://www.presscouncil.ru/index.php/praktika/rassmotrennye-zhaloby/4584-zhalobana-diskriminatsiyu-lgbt-grazhdan-na-telekanale-sankt-peterburg>).

Идея прав человека лежит не в области культуры, а в сфере права, в сфере политики, тогда как отношение к Другому — это в первую очередь вопрос культуры, ее этического наполнения. Искренний интерес к человеку, сочувствие ему, сопереживание Сергей Корконосенко относит к первой из ряда черт, воплощающих самобытность отечественной журналистики [2, с. 151]. На каких же основаниях возможно преодолеть сформированную рынком привычку массовой аудитории к потребительству, возратить ее, как это было в годы расцвета лучших российских публицистов, к реальному диалогу с думающим автором и друг с другом? Этот вопрос адресован не только журналистике в любых ее — «старых» и «новых» — дислокациях. Это вопрос для всего общества. Известно только, что политика не может заменить нравственное чувство, как ни старайся.

Литература

1. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Минск; М.: АСТ, 2001.

2. Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение. М.: Логос, 2010.

3. *Медиа* накануне постсекулярного мира / под ред. В. А. Сидорова. СПб.: Петрополис, 2014.

4. Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой. URL: <http://www.presscouncil.ru/index.php/praktika/rassmotrennye-zhaloby/4584-zhalobana-diskriminatsiyu-lgbt-grazhdan-na-telekanale-sankt-peterburg?showall=&start=4>.

5. *Профессиональная этика журналистов: док-ум. и справ. матер.* / сост. Ю. В. Казаков. М.: Медея, 2004.

6. *Рассторгуев С. П. Философия информационной войны.* М.: Моск. психолого-социал. ин-т, 2003.

7. «Реакция» с Валерием Татаровым «Любовь Запада». URL: <http://www.topspb.tv/programs/v10655/>.

8. Решение № 120 от 27 марта 2015 года. URL: <http://www.presscouncil.ru/index.php/praktika/rassmotrennye-zhaloby/4584-zhalobana-diskriminatsiyu-lgbt-grazhdan-na-telekanale-sankt-peterburg>).

9. Ясавеев И. Г. Конструирование образа правонарушителя в теленовостях: кризис терпимости // Другой в пространстве коммуникации : сб. науч. статей / сост. и ред С. К. Шайхитдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007.

S. K. Shaykhidinova

Kazan (Volga) Federal University

New media and human rights: Expert's opinion on the informational dispute with the journalist

The reason of writing this article was an informational debate between the International Festival of Queer Culture participant and the "St. Petersburg" TV channel. According to the author, key problems of modern mass media were revealed during that debate. First of all, traditional mass media are less competitive than new ones including megaprojects such as mass festivals.

Keywords: informational dispute, human rights, mass media, sexual deviations.

Обзоры и рецензии

М. А. Воскресенская
С.-Петербургский
государственный
университет

В материале дан отзыв на учебное пособие профессора Санкт-Петербургского университета С. Г. Корконосенко, посвященное педагогическим вопросам профессиональной подготовки журналистов. Рассмотрены структура книги и содержание глав, выделены основные аспекты освещаемой проблематики, обращено внимание читателей на принципиальные педагогические подходы автора.

Ключевые слова:
*журналистика,
педагогика, высшее
образование, учебное
пособие.*

© Воскресенская М. А.,
2015

Корконосенко С. Г. Преподавание журналистики в высшей школе : учеб. пособие. СПб. : Свое издательство, 2015. 160 с.

В Высшей школе журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ разработано новое учебное пособие, адресованное слушателям и преподавателям дисциплин педагогического цикла. Автор книги профессор С. Г. Корконосенко не впервые обращается к проблемам вузовской педагогики и профессиональной подготовки журналистов — вот уже больше десяти лет университетский курс методики преподавания журналистики опирается на его учебное пособие «Преподаем журналистику. Профессиональное и массовое медиаобразование» (СПб., 2004). Значительные изменения, происходящие последние годы в сфере российского образования, побудили автора к основательной переработке накопленного задела и потребовали существенных дополнений к прежним работкам.

Книга представляет интерес как для учащихся, так и для специалистов в области медиаобразования — для всех, кто испытывает необходимость глубоко разбираться в принципах организации учебного процесса в вузе и стремится овладеть педагогическим мастерством применительно к журналистике. В учебном пособии представлен комплексный анализ условий функционирования журналистского образования, а также концептуальных основ методики преподавания журналистских дисциплин в высшей школе.

Глава первая, «Системность в журналистском образовании», раскрывает

концептуальные подходы к образованию в современной отечественной педагогике высшей школы. Автор дает характеристику ведущим журналистско-педагогическим школам страны, отмечает историческое своеобразие российского журналистского образования, сочетающего академическую фундаментальность с практической применимостью формируемых знаний, а также уделяет существенное внимание мировоззренческой и воспитательной сторонам в подготовке медиаспециалистов. В главе обосновывается необходимость адаптации общей педагогики к отраслевому журналистскому образованию, анализируются ресурсы развития педагогики журналистики в научно-исследовательском и непосредственно практическом разрезе, затрагиваются вопросы взаимодействия педагогического корпуса с журналистским сообществом в плане повышения качества профессиональной подготовки в этой сфере. *Глава вторая, «Нормативный фактор журналистского образования»*, сосредоточена на аспектах, регламентирующих учебную деятельность вуза. В ней обстоятельно разбираются структура и содержание различных нормативных документов, определяющих параметры образовательного процесса в высшей школе на всех уровнях — от общих принципов, закрепленных законами и государственными стандартами, до детальной конкретизации условий педагогической работы и обучения студентов, представленной в уставах, программах, учебных планах. В *главе третьей, «Аудиторный фактор журналистского образования»*, описываются всевозможные формы и уровни профессионального обучения в области журналистики, отвечающие запросам различных категорий учащихся — от профильных университетских факультетов и отделений до вневузовских структур, где, тем не менее, может быть востребован университетский пе-

дагогический опыт. Особое внимание уделяется проблемам взаимоотношений преподавателя и студента, деловым, моральным и психологическим нюансам их общения. В *главе четвертой, «Кадровый фактор журналистского образования»*, рассматриваются квалификационные требования к преподавателю, его необходимые служебные и личностные характеристики, осмысливаются профессиональные роли и этос педагога, раскрывается понятие академической культуры. *Глава пятая, «Организационно-методический фактор журналистского образования»*, касается вопросов обеспечения эффективного управления вузом и его внутренними подразделениями, материальных и технических условий педагогической работы, системы контроля за деятельностью преподавателей. Подробно и с учетом журналистской специфики рассматриваются виды и объемы педагогических поручений, факультетская и кафедральная учебно-методическая документация.

Книга раскрывает различные стороны повседневной преподавательской работы — учебную, методическую, воспитательную, которые освещаются под организационным углом зрения. Практическую пользу несут приведенные автором фактические сведения о нормативных документах, регламентах, компетенциях, составе педагогической нагрузки, должностной структуре штата преподавателей и т. п. Такого рода прикладная информация не всегда оказывается под рукой в системном и в то же время компактном изложении, а без нее невозможно разобраться в принципах организации педагогической работы вуза и в особенностях планирования учебного процесса, что особенно важно для начинающего преподавателя.

Разумеется, учебное пособие выполняет не только справочную функцию. Не менее важны и интересны аналитические разделы, в которых С. Г. Корконо-

сенко размышляет о моделях и назначении журналистского образования, о его современном состоянии и перспективах развития, о стилях педагогического общения, о профессиональном мастерстве и интеллектуально-нравственном облике преподавателя, о взаимосвязях и взаимозависимости практической журналистской деятельности, научно-теоретического изучения медиасферы и преподавания журналистики. В ходе рассуждений автор совершает любопытные экскурсы в историю журналистского образования, сопоставляет отечественные и зарубежные традиции, тенденции, подходы в области педагогики и журналистики, делится собственным преподавательским опытом и приводит суждения коллег, студентов, представителей общественности.

Безусловно, читателя не может не подкупить педагогическое credo профессора С. Г. Корконосенко, который исповедует индивидуальный подход к студенту, отстаивает принцип «штучной» подготовки специалиста, а не «конвейерного производства» в вузе и полагает непреложной обязанностью преподавателя способствовать личностному росту своих учеников по мере их профессионального становления, а не только обеспечить передачу им конкретных знаний и технологий журналистского ремесла.

Учебное пособие в полной мере отвечает тем целям, которые преследует автор: упорядочить обширную информацию по проблемам педагогики журналистики с тем, чтобы в систематизированном виде довести ее до слушателей дисциплин педагогического цикла (магистрантов, аспирантов) и помочь молодым преподавателям освоиться в педагогической среде. Книга будет востребована и теми, кто учится, и теми, кто учит. Вместе с тем очевидна настоятельная потребность в дальнейшем пополнении учебной литературы в области преподавания журналистики. В част-

ности, необходимым продолжением теоретической работы представляется практикум, в котором были бы собраны материалы по методике преподавания, задания для самостоятельной работы, сценарии групповых тренингов, снабженные методическими указаниями с приложением образцов документации. Богатый преподавательский и научный опыт С. Г. Корконосенко, его высокий авторитет в профессиональной среде не оставляют сомнений в возможности удовлетворить запрос коллег и учеников на подобную книгу.

M. A. Voskresenskaya

St Petersburg State University

Korkonosenko S. G. Teaching journalism in higher school : study guide. SPb. : Svoe Izdatelstvo, 2015. 160 p.

This material is a review of the study guide by Professor S.G. Korkonosenko dedicated to pedagogical issues of professional training of journalists. The review considers the structure and the contents of the book, and identifies the main aspects of the issues covered. It also draws readers' attention to the pedagogical approaches used by the author.

Keywords: journalism, pedagogy, high education, study guide.

Л. Г. Фещенко
С.-Петербургский
государственный
университет

В статье рассказывается о трех этапах формирования открытого информационного пространства в деятельности диссертационных советов и Высшей аттестационной комиссии РФ. Статья снабжена библиографическим указателем диссертаций по журналистике, включающим в себя 347 единиц. Указатель дополнен интернет-ссылками на источники и другими комментариями.

Ключевые слова:
диссертации по журналистике, автореферат диссертации, подготовка кадров высшей квалификации, информационное сопровождение защиты диссертации, информирование о работе диссертационных советов.

© Фещенко Л. Г., 2015

ДИССЕРТАЦИОННОЕ ПОЛЕ ЖУРНАЛИСТИКИ: ПУТЬ К ОТКРЫТОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ПРОСТРАНСТВУ. 2006–2015

Работа диссертационных советов за последние несколько лет не просто изменилась, а изменилась кардинально. Мы хотим рассказать о том, как формировалась новая информационная среда, по возможности объяснить закономерности тех или иных управленческих решений, осложняющих жизнь и советов, и соискателей ученых степеней, но главное — помочь сориентироваться в новых реалиях тем, кто идет в большую науку, и тем, кто еще не открыл для себя всю прелесть новых возможностей.

Чтобы картина получилась максимально полной, мы подготовили трехчастное приложение (URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1447657916_6527.pdf). Открывают его (см. Прил. 1) сведения о докторских диссертациях на сайте Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (ВАК РФ). Это был первый шаг к формированию открытой информационной среды в процедуре аттестации кадров высшей квалификации. Напомним, что до середины 2006 г. сведения о защищаемых диссертациях можно было получить из Бюллетеня ВАК, но и сам Бюллетень, и авторефераты были доступны только в крупных библиотеках, диссертации же и вовсе можно было посмотреть, только съездив в Москву (точнее, в город Химки Московской области) или посетив библиотеку вуза, в котором защищалась та или иная диссертация. В 1990-е годы уже можно было заказать ксерокопию исследования, на-

пример в РНБ, но стоило это немалых денег. Вторая часть нашего приложения — сведения уже не только о докторских, но и о кандидатских диссертациях на сайте ВАК РФ (и, в некоторых случаях, в электронной библиотеке РГБ). И, наконец, третья часть — сведения о диссертациях на сайте ВАК РФ и на сайтах вузов, где защищались эти диссертации. Уже почти два года диссертационные советы и ВАК РФ работают в условиях беспрецедентной информационной открытости!

Пользуясь случаем, выразим благодарность сотрудникам Электронной библиотеки РГБ, оцифровавшим огромный массив авторефератов, что делает поиск материалов и работу с ними быстрыми и удобными [12]. В некоторых случаях, не обнаружив документ на сайте, мы давали в указателе шифр именно этой библиотеки. Нами также указаны ссылки на заключения СПбГУ как ведущей организации по диссертациям, указанным в Прил. 1, и ссылки на размещение текста диссертации и других документов по защитах второй половины 2015 г.

Диссоветы осваивают интернет-среду

Первыми нам стали доступны электронные версии авторефератов докторских диссертаций, размещаемые на сайте ВАК с 16 июня 2006 г. на протяжении 6 лет. С 9 апреля 2012 г. на обновленном сайте ВАК станут размещать авторефераты не только докторских, но и кандидатских диссертаций — об этой новой ступеньке к информационной открытости диссертационной жизни мы расскажем подробнее в следующей части нашей публикации.

Авторефераты докторских диссертаций, размещенные на сайте с июня 2006 по апрель 2012 г., сегодня доступны в архиве — это 13616 единиц хранения, т. е. столько докторских диссертаций было представлено к защите в Российской Федерации за указанный период (примерно

198 докторских диссертаций в месяц!). Первым, а именно 15 августа 2006 г., был размещен небезразличный нам автореферат диссертации Ю. Р. Савельева «Искусство „историзма“ в системе государственного заказа второй половины XIX — начала XX века (на примере „византийского“ и русского стилей)», представленной к защите в диссертационном совете СПбГУ, но выполненной на кафедре русского искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской Академии художеств (заметим, и название этой диссертации сегодня звучит вполне символически) [8].

По специальности 10.01.10 — журналистика, опираемся на данные анализируемого ресурса, в указанный период было представлено к защите 45 докторских диссертаций, или 0,33% от общего количества. Первой из них стала диссертация В. А. Евдокимова «Роль СМИ в политизации социального конфликта», автореферат которой был размещен на сайте ВАК 15 апреля 2007 г. (1 — здесь и далее в круглых скобках курсивом указан номер диссертации в помещенном в приложение к данной публикации библиографическом обзоре).

Так как в библиографическом описании приведены ссылки на сами документы, т. е. они доступны в один клик, остановимся лишь на нескольких значимых для СПбГУ и нашего диссертационного совета наблюдениях. Объявления по пяти диссертациям повторены на обновленном сайте, поэтому в нашем обзоре они вошли во вторую часть (43, 71, 86, 95, 103). Одна диссертация была представлена к защите повторно (68). Но, опираясь на сведения нашего указателя [8], констатируем, что данные по оставшимся 39 докторским диссертациям нельзя назвать абсолютно репрезентативными. Единственное объяснение: система с трудом осваивала новые техно-

логии (с тем же мы столкнемся и на двух других переходных этапах). Например, по нашему совету в архив не попали сведения о трех докторских диссертациях: Н. В. Бергер «Расследование как метод журналистской деятельности» (2006 г.) [1], А. Н. Тепляшина «Творческая природа комического (жанровая парадигма современной журналистики)» (2007 г.) [9], К. В. Киуру «Имиджевый медиатекст в политической коммуникации: дискурсивный анализ» (2008 г.) [5].

Теперь несколько слов о гордостном. В указанных 45 диссертациях наш университет — СПбГУ, а по сути факультет журналистики и позже наш Институт — 7 раз выступил ведущей организацией (5, 10, 13, 34, 39, 43, 86), каждая четвертая диссертация, т. е. 10, выполнена и представлялась в нашем совете; обратим внимание на некоторые из них, чьи авторы преподают в нашем Институте сегодня: И. Н. Блохин (8), Ю. С. Балашова (27), М. А. Бережная (7), а также С. Н. Ильченко (68). Научными консультантами по 9 докторским диссертациям были члены нашего совета, тоже преподающие в Институте: Г. В. Жирков (20, 22, 68), В. И. Коньков (11), С. Г. Корконосенко (8), Г. С. Мельник (18), А. С. Пую (23), В. А. Сидоров (7, 9). Также члены диссертационного совета — наши коллеги — были официальными оппонентами по диссертациям: В. А. Ачкасова (8), В. И. Коньков (22), С. Г. Корконосенко (3, 7, 20), Н. С. Лабуш (9), Б. Я. Мисонжников (7, 68), А. С. Пую (31, 103).

Но Университет справедливо озабочен тем, что мы мало ценим экспертную работу как важный имиджевый ресурс. С мая 2011 года на сайте СПбГУ размещаются отзывы, подготовленные в СПбГУ как ведущей организации, и отзывы научно-педагогических работников СПбГУ как официальных оппонентов. Поисковый путь следующий: главная страница официального сайта Университета, левое вертикальное меню, раздел

«Экспертная деятельность СПбГУ», далее — «Экспертиза квалификационных научных работ» и, наконец, подразделы «Отзывы ведущей организации на диссертации», «Отзывы официальных оппонентов на диссертации», «Заключения по диссертациям, выполненным в СПбГУ», «Заключения о допустимости выявленного объема текстовых совпадений между текстом диссертации и источниками, авторство которых установлено, для рассмотрения рукописи диссертации как оригинальной научной (квалификационной) работы».

Сделаем небольшое отступление. Полагаем вполне справедливым видеть в факте оппонирования или роли ведущей организации значимое для СПбГУ событие, о котором нужно информировать общественность более заметно, например сообщать в разделе «Новости» на сайте Института, тем более что наши коллеги готовят отзывы не только по диссертациям, защищаемым по нашей специальности. Уточним: по специальности 10.01.10 — журналистика нашим подразделением Университета с 2011 по 2015 год размещено на сайте СПбГУ 20 отзывов от имени ведущей организации. Их авторами были М. А. Бережная (2 диссертации); Н. Л. Волковский и С. Г. Корконосенко (2 диссертации); А. А. Литвиненко (2 диссертации); Б. Я. Мисонжников (2 диссертации); А. Н. Тепляшина (2 диссертации); А. Ю. Быков; Л. Р. Дускаева; Д. П. Гавра; Т. И. Краснова и Л. Р. Дускаева; Ю. В. Курьшева; А. А. Пронин; А. С. Пую и Е. С. Георгиева; С. И. Сметанина; О. Л. Тульсанова; Н. С. Цветова. По специальностям 10.02.01 — русский язык и 10.02.19 — теория языка на сайте СПбГУ размещено по два отзыва ведущей организации (Л. Р. Дускаева и В. И. Коньков; Т. Ю. Редькина; В. И. Коньков; Н. С. Цветова). По специальности 22.00.06 — социология культуры размещен отзыв ведущей организации, подготовленный

Д. П. Гаврой и Е. В. Быковой (Прил. 2. Отзывы СПбГУ как ведущей организации, 1–25).

Отметим также, что, когда просматриваешь целиком список и встречаешь много знакомых по Ученому совету СПбГУ, или Учебной комиссии, или иным университетским сообществам знакомых имен, по-другому начинаешь воспринимать формальный раздел «Отзыв ведущей организации», как что-то личное, личностное.

Конечно, в числе 814 отзывов СПбГУ в качестве ведущей организации (на 8 сентября 2015 г.) подготовленные нашими коллегами 20 отзывов потерялись, что и понятно — этот ресурс формирует и поддерживает бренд Университета. Поэтому, еще раз повторим, целесообразно транслировать информацию об экспертной деятельности наших коллег и на собственном информационном ресурсе — официальном сайте Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, ведь отзыв о диссертации — это не только очень почетный, но и серьезный научный труд. Немаловажно, что у этих документов есть также мощный методический потенциал, позволяющий использовать указанные экспертные работы в подготовке магистрантов или аспирантов, например, включая в подготовку практических и семинарских занятий в аспекте стилистики или литературного редактирования. А значит, эти документы должны быть доступны через более простой поиск, чем предлагаемый главным сайтом.

В разделе «Отзывы официальных оппонентов на диссертации» (330 документов) находим всего 4 подготовленных преподавателями нашего Института, из них два — Д. П. Гавры. Очевидно, что и этот ресурс мы не используем в полной мере (см. Прил. 2. Отзывы официальных оппонентов на диссертации, 26–29).

Справедливости ради заметим, что знакомство даже с этими неструктурирован-

ными страницами на сайте СПбГУ (814 и 330 документов сплошным списком) небезынтересно. Так, можно узнать о двух недавних докторских диссертациях — С. А. Бурлак «Эволюционные механизмы и этапы формирования человеческого языка» [2] и О. В. Фёдоровой «Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика» [10], официальным оппонентом по которым была Т. В. Черниговская, и познакомиться с ее отзывами, а потом найти в электронной библиотеке РГБ сами авторефераты и, при необходимости, обратиться к тексту какой-то из диссертаций; можно узнать, что С. Л. Фирсов оппонировал диссертационное исследование протоиерея Алексия Марченко «Религиозная политика Советского государства в 1958–1964 гг. и реакция Русской Православной Церкви на „хрущевские“ гонения», представленное на соискание ученой степени доктора церковной истории; вызывает интерес докторская диссертация В. А. Сулимова «Литературный текст в интеллектуальном пространстве современной культуры» [7] или кандидатская диссертация Е. Н. Ивановой «Профессионализация интернет-журналистики в блогосфере» [4], близкая нам по теме. Это только то, что трудно обойти вниманием.

Учитывая, что экспертная работа важна для СПбГУ и что наш Университет задолго до ВАК стал размещать на своем сайте подготовленные университетскими экспертными заключения (отзывы о диссертациях), мы, где это возможно, в Прил. 1 указали ссылку на размещение этих документов.

О сколько нам открытий чудных...

Уже отмечено, что предложенный в названии нашей публикации временной диапазон делится на три неравных периода: 2006–2012 гг. — шесть лет привыкания к новым условиям (см. Прил. 1, ч. 1), почти два переходных года (2012–2013),

когда в открытом доступе на сайте ВАК стали размещать авторефераты не только докторских, но и кандидатских диссертаций (см. Прил. 1, ч. 2) — пока только авторефераты! — и наступившая в 2014 году новая эра (см. Прил. 1, ч. 3). Правда, применительно к 2012 — переходному — и 2014 г. — тоже переходному — базовые принципы еще не работают в полную силу (нам не удалось обнаружить на сайте ВАК 19 авторефератов, поэтому в приведенном ниже указателе дана ссылка на Электронную библиотеку РГБ, т. е. в любом случае автореферат по-прежнему доступен в один клик).

Но без тени иронии это исторические периоды, ведь неимоверными усилиями, строгими предупреждениями и закрытием советов Высшая аттестационная комиссия, постепено открывающая максимально возможное количество информации о «диссертационном менеджменте», сделала главным поисковым ресурсом по диссертациям свой сайт. Одновременно, с января 2014 г., на сайте организации, в которой защищается диссертация, стали размещать сначала диссертацию и автореферат, отзывы официальных оппонентов и ведущей организации, поступившие в совет отзывы об автореферате и диссертации, протокол о принятии диссертации к защите и протокол о защите диссертации, позже этот список дополнили сведения об оппонентах и ведущей организации, включающие в себя помимо указанного в автореферате (степень, звание, должность) развернутую реквизитную информацию (почтовый адрес, сайт, телефон, электронная почта) и список публикаций оппонента или научно-педагогических работников ведущей организации, подтверждающий вовлеченность в проблематику защищаемой диссертации. По мере привыкания к новым условиям абсолютной открытости, прозрачности работы диссертационных советов на сайтах в инициативном порядке сами

диссертационные советы или вузы, при которых они зарегистрированы, стали размещать стенограммы, отчеты проверки на антиплагиат, заключение организации, в которой выполнена диссертация, заключение диссертационного совета, видеозапись защиты, сведения о научном руководителе и др. Справедливости ради скажем, что и сама Высшая аттестационная комиссия многое доделывала на ходу. Так, на протяжении всего 2014 и начала 2015 г. в форме объявления о защите диссертации уже были строки «Интернет-адрес объявления на сайте организации» и «Интернет-адрес текста диссертации на сайте организации», а в форме, которую заполнял ученый секретарь диссертационного совета, формируя объявление о защите, таких позиций еще не было. Поэтому получить данную информацию, например по нашим, журналистским диссертациям, можно только с июля 2015 г. (Обе ссылки, при дублировании информации — одну, мы тоже добавили в библиографическое описание — см. Прил. 1.)

Может показаться, что теперь-то уж вся информация доступна по-настоящему в один клик. Как бы не так! Указанная в объявлении или автореферате ссылка может открыть доступ к тексту диссертации, но не вывести на страницу диссертанта, может вообще отправить на сайт вуза, где не так легко бывает разобраться. Проверить это может любой желающий, мы же поделимся своими впечатлениями о работе с сайтами вузов — теми их разделами, где размещается информация о диссертациях. Важное замечание: в соответствии с п. 26 Положения о порядке присуждения ученых степеней [6] страницы диссертантов закрываются через 7 и 9 месяцев после защиты. Но пока строгое следование этому требованию не стало системой. Возможно, ненадолго.

Итак, обратимся к сайтам вузов и сосредоточим внимание на страницах диссертантов.

Только в 25 из 112 диссертаций 2014–2015 гг. сайт ВАК подскажет нам в объявлении ссылку на весь комплект документов по диссертации. Еще ссылки указаны в автореферате, тоже не везде. Основной вопрос: какие навыки потребуются при работе с этими или отсутствующими данными. То есть сначала о поиске нужной информации и трудностях, которые придется преодолеть. Постараемся быть беспристрастными.

Обратимся к сайту СПбГУ. Опять идем знакомой дорогой: главная страница, левое вертикальное меню, раздел «Наука», далее «Диссертационные советы», видим название, отвечающее нашим интересам, — «Диссертации, допущенные к защите, и сведения о защите». Далее можно пролистать 40 с лишним страниц, каждая из которых предлагает нам дату защиты, ФИО соискателя, степень и специальность. Актуальные — в конце, то есть надо двигаться в обратную сторону. И — главное — нет указания темы диссертации, поэтому, если поисковая задача — шифр специальности, открывать придется все предложенные страницы. Диссертации, размещенные соискателями, «спрятались» в разделе «Соискателю ученой степени». Иными словами, найти здесь что-то можно, только если вы точно знаете, что ищете. Зато уже сама страница организована очень толково (см., напр., 301, 304, 305, 326, 335, 342, 346).

Но у нашего совета (Д 212.232.17) есть и своя собственная страница (ее адрес указан в автореферате). На всякий случай подкажем навигацию: «Институт „Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций“ СПбГУ» — «Об институте» — «Диссертационный совет» (или «Наука» — «Диссертационный совет») [3]. Здесь каждый выберет сам, что ему интересно: библиографические указатели диссертаций или нормативные документы, информация о совете или о паспорте специальности, архив

авторефератов диссертаций или материалы по диссертациям, представленным к защите в 2014 и 2015 гг. В контексте данной публикации нас интересуют два последних раздела, где указаны авторы и темы диссертаций, на странице — все требуемые Положением документы и, дополнительно, авторские публикации в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ, список авторских публикаций по теме диссертации, по последним из защит уже стенограмма, заключение совета и заключение организации, где выполнена работа. На начало сентября 2015 г. счетчик показывал более четырех с половиной тысяч обращений на страницу диссовета — значит, работаем не напрасно.

Рекомендуем еще один дружелюбный сайт — нашего партнера МГУ им. М. В. Ломоносова. В авторефератах диссертаций, представленных к защите в совете при факультете журналистики МГУ, не везде указана ссылка, но в остальном поиск не вызывает трудностей: в вертикальном меню в «Научной работе» находим диссертационный совет, внизу ссылка на «Объявления о защите», перейдя по которой, попадаем на страницу объявлений (сюда можно также попасть из вертикального меню, минуя раздел «Диссертационный совет»), видим восемь разделов — «Защиты диссертаций за ...» — с 2014 по 2007 г., внизу объявления текущего года с переходом на страницу диссертанта. Отметим, что есть раздел «Экспертный совет» — здесь представлены диссертации, еще не принятые к защите, то есть на начальном этапе подготовки документов к защите. Из текста объявления можно перейти на страницу научного руководителя (научного консультанта) на ресурсе ИСТИНА (Интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации). Под объявлением ссылки на страницу диссертанта и адрес объявления на сайте ВАК. Очень удобно работать!

На сайте Российского университета дружбы народов главное — попасть в раздел «Диссертационные советы при РУДН» и потом по ссылке в «Диссоветы». Переходов много, но важно, что РУДН понимает значение названия диссертации, положенного в основу дальнейшего поискового принципа (237, 238, 240, 247, 256, 265, 271, 288, 289, 298, 310, 313, 316, 318, 319, 330, 332, 337, 343). Отметим также удобный архив по защищенным диссертациям.

Сайт Южного федерального университета предлагает следующее. В левом вертикальном меню ищем «Наука и инновации», далее переход в раздел «Государственная научная аттестация», который включает в себя подразделы «Информация для ученых секретарей», «Список советов», «Объявления о защитах», «Нормативные документы», «Информационные материалы». Отметим эксклюзив: «Объявления о защите диссертаций в Южном федеральном университете» предлагают поиск календарный, по советам, по специальностям (251, 300), по научным направлениям и поданные к рассмотрению, также настраивается уровень диссертации (все, только кандидатские или только докторские).

Но по-настоящему дружественных сайтов не так много.

Например, сайт Воронежского государственного университета. Ссылка, указанная в автореферате, ведет на Научно-информационный портал ВГУ, последний (девятый) раздел которого (указан в левом горизонтальном меню) — «Государственная аттестация», собственно и включающий в себя «Диссертационные советы», «Защиты диссертаций», «Архив защит». В разделе «Диссертационные советы» три части — «Объявления», «Диссертации, представленные соискателями ученой степени» и «Соискатели, допущенные к защите». После состоявшейся защиты страница переходит в архив (возмож-

но, в дальнейшем — в соответствии с Положением — доступ к размещенным на сайте документам будет закрыт, но пока познакомиться с материалами по защитам, состоявшимся в советах ВГУ с марта 2014 г., можно, хотя на протяжении этого периода наполнение страниц диссертантов сильно изменилось — что в значительной степени относится ко всем советам). Возвращаясь на сайт ВГУ, скажем, что сама подача информации не помогает точечному поиску нужных сведений, ведь, как уже отмечали, далеко не всех интересуют в целом диссертации по специальности 10.01.10, номер совета не помогает ничего узнать о той или иной диссертации, остаются только фамилия-имя-отчество — активная ссылка обеспечит переход на страницу диссертанта, где мы, наконец, узнаем тему исследования. Такой принцип подачи информации сохраняется и в отношении соискателей, только разместивших диссертацию на сайте, и тех, кто уже допущен к защите, и тех, в отношении которых совет уже принял решение, т. е. защита состоялась (242, 246, 252, 255, 260, 264, 269, 270, 275, 281, 291, 293, 306, 314, 317, 331).

«Фамильный» же принцип выбрал и Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, хотя в данном случае еще и добраться до страниц диссертантов не так просто: Отдел аттестации научно-педагогических кадров имеет собственный сайт, а потом ориентируемся по номеру совета (257, 267, 282, 321).

Свой сайт есть и у Отдела аттестации научно-педагогических кадров Казанского (Приволжского) федерального университета, на котором основной поиск осуществляем сначала по наукам (филологические), но нужное находим в архиве объявлений тоже по номеру совета (239, 243, 272, 286).

И Кубанский государственный университет основным поисковым принци-

пом сделал номер совета (Д 212.101.04), но, преодолев это препятствие, получаем доступ ко всей возможной информации (274, 280).

Российский государственный гуманитарный университет убрал сведения о диссертационных советах в раздел «Подготовка кадров высшей квалификации». В нужном совете приходится просмотреть все пофамильные страницы в поисках относящихся к нашей специальности (296, 299).

Еще один вуз, где есть совет по нашей специальности. Ссылка, указанная в автореферате, отправляет нас на главную страницу сайта Академии медиаиндустрии — Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. А там начинается «квест»: рубрика «Диссертационный совет» на видном втором месте в левой колонке, но по ссылке переходим на объявление: «С диссертациями и рефератами можно ознакомиться в библиотеке Института на 8-ом этаже в комн. 805 и на сайтах <http://www.ipk.ru/>; <http://vak.ed.gov.ru>». Ничего, трудности нас только закаляют! Ниже в левом окне помещена информация «Назначены даты защиты диссертаций Лободенко Л. К. и Строковой Ю. А.», открывающая доступ к тексту объявления о защите, содержащему всё нужное нам, помимо уже известного по первой странице сайта имени диссертанта — а это тема, ученая степень, время и место защиты. Еще один переход — и нам доступны документы первого этапа, размещаемые при принятии диссертации к защите. Но где искать архив, ведь его не может не быть? В горизонтальном меню (после «Об институте», «Обучение» и «Наука»). Заметим, что обычно раздел «Диссертационный совет» начинаем искать в разделе «Наука», поэтому выделение его в самостоятельную опцию на этом сайте радует. Но дальше продолжает работать уже знакомый нам принцип «слепой» информации: под

заголовком «Диссертации, принятые к защите» перечислены десять диссертантов; чтобы узнать, что именно защищали эти соискатели ученых степеней в данном совете и по какой специальности, а их в Академии медиаиндустрии две — 10.01.10 — журналистика (филологические науки) и 17.00.03 — кино-, теле- и другие экранные искусства (искусствоведение), нужно открыть страничку каждого из диссертантов (241, 250, 278, 285, 307, 323, 325, 340).

Что предлагает нам Челябинский университет? Ссылка из автореферата уводит на главную страницу сайта. В горизонтальном меню в разделе «Наука» находим информацию о диссертационных советах, один из которых принимает к защите диссертации по двум специальностям: 10.01.10 — журналистика и 10.02.19 — теория языка. Далее уже знакомая нам картина отсутствия информации при кажущейся насыщенности ею (в роли заголовка выступает ФИО соискателя, а в названии всех документов указаны вид документа или ФИО соискателя или автора). И тему диссертации, и специальность, по которой она защищалась, мы сможем узнать, только открыв хотя бы один документ, например автореферат, в каждом из 18 комплектов. Только таким непростым путем мы выясним, что по специальности 10.01.10 из них всего 6 (236, 262, 279, 295, 309, 327).

Такова реальная картина доступа к информации. Теперь внимательнее посмотрим на саму информацию.

Анализ работы диссертационных советов позволил выявить тенденции и увидеть явления, незнакомые нашему совету.

Главное из необычного — отраслевая экспертиза кадров высшей квалификации, приверженность которой последовательно демонстрирует МГУ им. М. В. Ломоносова, заказывая профессионалам из отрасли оппонирова-

ние диссертационных исследований. В роли официальных оппонентов выступили (выделим только кандидатов наук) директор консалтинговой компании (56 и 322), заместитель руководителя департамента стратегического маркетинга ООО «Росгосстрах» (72), исполнительный директор службы финансово-экономической информации группы «Интерфакс» (84), продюсер Дирекции главного продюсера АНО «Общественное телевидение России» (136), редактор выпускающей бригады программы «Вести» телеканала «Россия» (191), начальник управления по работе с органами государственной власти, общественными организациями и СМИ ОАО «Газпромгазораспределение» (171), действительный государственный советник РФ третьего класса, заместитель генерального директора ЗАО «ОМЕГА» (171, 237), руководитель отдела стратегического развития ООО «Джа-Эла» (212), менеджер по взаимодействию с органами государственной власти Google Россия (268) и даже учитель иностранных языков МБОУ «Гимназия» г. Обнинск (229).

Но вот наконец пришло время, когда мы, в соответствии с новыми требованиями, можем поинтересоваться научными публикациями оппонента — эксперта из отрасли, кругом его научных интересов, вовлеченностью в академическую работу (например, корреспондент отдела международной политики ЗАО «Редакция «Независимой газеты» — 315; менеджер общества с ограниченной ответственностью «Мирантис ИТ» — 299).

Отраслевая экспертиза реже, но тоже используется некоторыми советами других московских и региональных вузов: заместитель начальника службы информационных программ ТВ ГТРК «Тверь» (146), старший редактор телевизионных программ ООО «Телепорт» (99), начальник службы радиовещания госу-

дарственной телевизионной и радиовещательной компании «Белгород» (44), редактор отдела социальных проблем краевой газеты «Кубань Сегодня» (79, 233, 280), редактор отдела комплектования и научной обработки фонда телевизионных материалов Государственного фонда телевизионных и радиопрограмм (128), ведущий специалист-эксперт отдела по печати и СМИ Комитета Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации (190), заместитель начальника службы информационных программ ТВ, шеф-редактор программы «Вести-Мордовия» (286), ведущая новостей службы эфира дирекции информационных программ (271 — хотя эта защита проходила в конце 2014 г., сведений об оппоненте на странице диссертанта еще нет).

Отметим, что тенденция привлечения специалистов из отрасли к аттестации кадров высшей квалификации особенно явно проявилась в 2012 г. Но прежде, знакомясь с авторефератом, часто приходилось жалеть о невозможности посмотреть отзыв оппонента или ведущей организации. Теперь же сам оппонент становится своеобразным объектом экспертизы. Да и вся работа совета как на ладони!

Второе. Прокомментируем встреченное нами интересное, но редкое явление — кобрендинг в подготовке диссертационного исследования, когда в качестве организации, в которой выполнена диссертация, указаны два вуза.

Начнем с примера неявных партнерских отношений, когда научный руководитель диссертации — заведующий кафедрой массовых коммуникаций РУДН, а научный консультант — профессор кафедры истории и правового регулирования факультета журналистики МГУ (195). Или более сложная форма сотрудничества, когда руководитель диссертации — из российского вуза, а

консультант по теме — профессор Пекинского университета иностранных языков (289). Обе диссертации защищались в совете РУДН.

Прокомментируем еще один вариант научного межвузовского сотрудничества: диссертация выполнена на кафедре связей с общественностью, журналистики и рекламы Гуманитарного института Череповецкого государственного университета и на кафедре тележурналистики Академии медиаиндустрии. Научный руководитель из Череповецкого государственного университета, научный консультант — из Академии медиаиндустрии (139). Интересно было бы узнать, как и где проходило обсуждение, кто готовил заключение организации, как вообще оформляются такие союзы. Но это был далекий 2013 г., когда заглянуть на диссоветовскую кухню было еще нельзя (хочется сказать: как быстро меняется информационная среда!).

Пример системных, формализованных отношений — совместный научный проект кафедры общего и классического языкознания Тверского государственного университета и кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, в рамках которого выполнено две диссертации. В одном случае был научный руководитель и научный консультант (107), в другом — только научный руководитель (221). Вузовский кобрендинг отражен в автореферате. И научный руководитель, и научный консультант — из Тверского государственного университета, в совете этого вуза диссертации были представлены к защите, их объединяет и географическая локация. Но вопросы о деталях, таких как преодоление бюрократических процедур, все равно остаются.

И наконец, два примера не просто вузовского, а межгосударственного партнерства — обозначенного эксплицитно,

когда информация представлена максимально развернуто («Работа выполнена на кафедре международной журналистики Кыргызско-Российского Славянского университета. Научный руководитель диссертации — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой международной журналистики Кыргызско-Российского, Славянского университета им. Б. Н. Ельцина Кацев Александр Самуилович. Научный консультант — доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории журналистики и электронных СМИ Российско-Таджикского (Славянского) университета Нуралиев Абдусаттор Нуралиевич», 174) и имплицитно, завуалированно («Работа выполнена на кафедре „Международная журналистика“ факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета. Научный руководитель — доктор филологических наук профессор Кацев Александр Самуилович. Научный консультант — доктор филологических наук, профессор Нуралиев Абдусаттор Нуралиевич», 287), поэтому для непосвященного факт такого партнерства остается неочевидным.

Еще одно своеобразное проявление кобрендинга (в основном это опыт МГУ им. М. В. Ломоносова) — партнерский договор двух научно-педагогических работников, где один — научный руководитель, а другой — научный консультант диссертанта. Возможно, решение Ученого совета вуза не позволяет кандидату наук напрямую самостоятельно участвовать в подготовке кадров высшей квалификации, поэтому он выступает только «предметно-тематическим» консультантом (52, 62, 72, 84, 135, 141, 179, 268). Но такое предположение опровергается тем, что в вузе есть и практика руководства диссертантами, осуществляемого кандидатами наук (136, 142, 175, 191, 212). Но даже если объяснить само явление удастся, некоторые его вариации оставляют вопросы. Например, научный

консультант доктор наук при научном руководителе — кандидате (172, 207, 328) или два научных консультанта по докторской диссертации (5, 55).

В работе нашего диссертационного совета также еще не апробирована практика приглашения оппонентов из другой страны (220), хотя регламентирующие документы этому не препятствуют.

Третье. Очень непростая проблема, которая затронула и советы СПбГУ, — как указывать организацию, где выполнена работа. В Университете как место выполнения диссертации уже второй год указывается сам вуз, а не кафедра или иное подразделение. Похоже, и другие вузы на распутье. Так, не везет Академии медиаиндустрии: кафедру тележурналистики дважды назвали кафедрой телевизионной журналистики (65, 102); в РУДН иногда указывают только кафедре (59, 88, 115, 126, 194, 214, 237, 247, 256, 318, 330), но в основном кафедру и факультет; Южный федеральный университет не указывает подразделение (кафедру и факультет) с 2012 года; Воронежский государственный университет, даже если работа выполнена не в ВГУ, тоже указывает только название вуза. Трудно согласиться с целесообразностью такого подхода: пройдет десяток лет, и историку науки трудно будет восстановить информацию о том, где была та живительная почва, на которой рождалась диссертация; по защитам можно проследить интенсивность обновляемости кадров и интенсивность развития определенных научных направлений и формирование школ. То есть мы считаем подобную унификацию (совет — вуз) недальновидной и неоправданной.

Четвертое. Еще одно заслуживающее упоминания наблюдение: в соответствии с п. 25 Положения о присуждении ученых степеней рекомендуемый объем автореферата до полутора авторских листов для кандидатских диссертаций (60 тыс. знаков) и двух с половиной (100 тыс.

знаков) для докторских (URL.: <http://base.garant.ru/70461216/#help/>). То есть информативность автореферата может быть значительно увеличена за счет объема документа (см., например, 48, 69, 78, 107, 221, 224). Также имеет значение количество опубликованных автором работ по теме диссертации — помимо требуемых Положением ВАК РФ (см., например, 33 и 30 публикаций по кандидатским диссертациям — 83, 275). Тоже об информативности: диссертационный совет РУДН включает в автореферат аннотацию диссертации на русском и английском языках. В одном случае нами встречен достойный пример научной этики (345): в научных публикациях автора по теме диссертации прокомментированы выполненные в соавторстве (причем они выполнены сверх требуемого Положением количества). Нет документов, запрещающих основные результаты научной работы публиковать в соавторстве, но логике гуманитарного исследования, представленного к защите, такое партнерство явно противоречит (хочется спросить: кто и что защищает). Устные разъяснения ВАК также говорят о недопустимости соавторства в публикациях по теме диссертации, входящих в список обязательных, но только устные.

Теперь несколько слов о самом приложении.

Визитная карточка приложения

Подготовленный нами библиографический обзор (см. Прил. 1) включает в себя информацию о 347 диссертациях (2007–2011 гг. — 39; 2012 г. — 75, 2013 г. — 121, 2014 г. — 60, январь — август 2015 г. — 52), представленных к защите в диссертационных советах Российской Федерации и Таджикистана, подчиняющегося в вопросах подготовки кадров высшей квалификации нашему Рособрнадзору, и является продолжением нашей работы

по созданию библиографического указателя диссертаций по специальности 10.01.10 — журналистика.

Сначала скажем о том, кому он адресован. Основная аудитория — это по-прежнему аспиранты, докторанты и соискатели ученых степеней, для которых исследование диссертационного поля нашей науки является неременной частью работы над собственным научным трудом. Много полезного найдут для себя заведующие кафедрами, руководящие процессом планирования и подготовки ВКР бакалавров и магистрантов по научному направлению своих кафедр (свежие идеи и обозначившиеся тренды; тиражируемые, а потому исчерпавшие себя формулировки; неустребованный другими исследовательский ресурс и т. д.). Самим будущим выпускникам, да и всем, кто уже задумывается о дипломе, было бы полезно вдумчиво просмотреть этот библиографический обзор, чтобы потом углубиться в чтение авторефератов, а то и самих диссертаций по теме, которая привлекла внимание, — кому-то прочитанное подскажет интересное направление, для кого-то станет тестом на «диссертабельность» собственного замысла. Вспомним также о научно-педагогических работниках, имеющих право непосредственно — как научные руководители и консультанты — участвовать в подготовке кадров высшей квалификации. Члены нашего и других диссертационных советов тоже могут обнаружить в предлагаемом обзоре диссертаций по специальности 10.01.10 кое-что интересное для себя, хотя представителей именно этой части нашей аудитории удивить труднее всего.

Коротко остановимся на формальных характеристиках данного библиографического обзора.

От предыдущих наших указателей он отличается тем, что — главное! — описание автореферата диссертации вместо шифров двух ведущих библиотек

страны (РГБ и РНБ) снабжено теперь интернет-ссылкой на электронный ресурс, где размещен сам документ, т. е. ссылкой на сайт ВАК или, в 19 случаях — ввиду отсутствия информации на сайте ВАК — на сайт Электронной библиотеки РГБ (48, 49, 52, 56, 62, 65, 66, 72, 77, 82, 83, 84, 87, 88, 92, 104, 123, 264, 282), и другими ссылками, о которых было сказано выше.

Второе отличие — библиографическое описание дополнено сведениями о том, где именно выполнена диссертация — в соответствии с тем, как это указано в автореферате (правда, часто конкретизация данной информации отсутствует).

В остальном изменений немного. Для нас по-прежнему остаются значимыми разграничение места выполнения работы и место ее защиты, количество страниц и указанное в автореферате количество авторских публикаций по теме диссертации.

Правда, учитывая, что это только приложение, мы не снабдили этот наш библиографический обзор другим научным аппаратом, как делали прежде (указатели имен, названий, персоналий, медиасубъектов, вузов), также не стали делать специальный обзор публикаций по докторским диссертациям, но некоторый анализ мы все-таки сделали или хотя бы прокомментировали интересные, с нашей точки зрения, факты и фактики.

В Прил. 2 указаны отзывы СПбГУ как ведущей организации и отзывы оппонентов, подготовленные НПР Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ.

В завершение ставшее уже традиционным: полезного и интересного чтения!

Л и т е р а т у р а

1. Бергер Н. В. Расследование как метод журналистской деятельности: автореф. дис. ... д-ра

филол. наук: 10.01.10 / СПбГУ. СПб., 2006. 34 с. Библиогр.: 29-32 (33 назв.). URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003276129#?page=1>;

2. Бурлак С. А. Эволюционные механизмы и этапы формирования человеческого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2013. 37 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01005534869#?page=1>.

3. Диссертационный совет Д 212.232.17 // Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. URL: <http://jf.spbu.ru/about/2000.html>.

4. Иванова Е. Н. Профессионализация интернет-журналистики в блогосфере: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы / НИУ ВШЭ. М., 2011. 28 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004858711#?page=1>.

5. Куру К. В. Имиджевый медиатекст в политической коммуникации: дискурсный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / СПбГУ. СПб., 2008. 42 с. Библиогр.: 37-42 (61 назв.). URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003448191#?page=1>.

6. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней». URL: <http://base.garant.ru/70461216/#help/>.

7. Сулимов В. А. Литературный текст в интеллектуальном пространстве современной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2011. 47 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004846399#?page=1>.

8. Савельев Ю. Р. Искусство «историзма» в системе государственного заказа второй половины XIX — начала XX века (на примере «византийского» и русского стилей): автореф. дис. ... д-ра искусствовед.: 17.00.09 — теория и история искусства / СПбГУ. СПб., 2006. 34 с. Библиогр.: с. 30–34 (86 назв.). URL: <http://vak1.ed.gov.ru/ru/dissertation/subscription/index.php?id54=8987&from54=1362>.

9. Тепляшина А. Н. Творческая природа комического (жанровая парадигма современной журналистики): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / СПбГУ. СПб., 2007. 38 с. Библиогр.:

34-38 (50 назв.). URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003158333#?page=1>.

10. Фёдорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 — теория языка / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2013. 46 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01005060521#?page=1>.

11. Фещенко Л. Г. Журналистика: библиографический указатель диссертаций: 1990–2010 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 2011. 474 с. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1341918176_2473.pdf.

12. Электронная библиотека РГБ // Российская государственная библиотека. URL: <http://search.rsl.ru/ru>.

L. G. Fezchenko

St Petersburg State University

Dissertation field of Journalism studies: The path to free information space. 2006–2015

The article examines three formation stages of free information space in work of dissertation committees and Supreme Attestation Commission of the Russian Federation. The article is supplied with a bibliographical index of dissertations in Journalism Studies (347 items). The index includes web-links to sources and other commentaries.

Keywords: information support of the PhD thesis defense, distribution information about the work of dissertation committees, dissertations in Journalism Studies, author's abstract, training of high qualified personnel.

Хроника

М. А. Бережная
С.-Петербургский
государственный
университет

Короткий обзор содержит информацию о научных конференциях по проблемам коммуникации, в ходе которых дискутируются аспекты современного функционирования журналистики в новом коммуникативном пространстве.

Ключевые слова:
конференция,
коммуникация,
журналистика, медиа.

ЖУРНАЛИСТИКА В РАКУРСАХ КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ)

Будучи традиционной и влиятельной составляющей современного коммуникативного пространства, журналистика находится в фокусе внимания исследователей в области коммуникаций. При этом как текущая практика, так и фундаментальные теоретические основы журналистики предстают в соответствующих профессиональных ракурсах, несомненно, актуальных не только для специалистов из смежных областей, но и для журналистского сообщества. Интересным представляются также подходы, характерные для разных «кругов» исследователей, которые могут определяться традициями школ, регионов, культур.

С этой позиции будет полезно сопоставить две конференции, в которых довелось принимать участие автору статьи в мае — июне 2015 г. Речь идет о ставшей традиционной, восьмой по счету конференции CEECOM (Central and East European Communication and Media Consortium; место проведения — Университет Загреба, 12–14 июня 2015 г.), которая на этот раз была посвящена теме «Вызов цифровых медиа» (URL: <http://www.communication-director.com/events/ceecom2015-digital-media-challenge>), и довольно молодой, четвертой конференции Школы коммуникации университета Тэйлора (Куала-Лумпур, Малайзия, 28–29 мая 2015 г.), проходившей под названием «Управление кризисами и рисками в коммуникации» (URL: <http://search.taylors.edu.my/conference/conference.htm>).

Для исследователей, собравшихся в Загребе, наиболее актуальными оказались аспекты функционирования медиа в условиях современных технологий, которые меняют процессы производства и потребления информации, создают новую конкурентную среду, в том числе для журналистики, ставят проблему профессиональной идентификации и определяют необходимость трансформации в образовании журналистов. Один из ключевых спикеров конференции П. Манчини (Италия) отметил амбивалентное влияние цифровых технологий на демократию: с одной стороны, публичное пространство становится все более населенным, с другой — удлиняется процесс принятия решений, и возникает искушение упростить, сократить его путем централизации и персонификации. В том числе при участии медиа.

Несмотря на заявленную П. Манчини в начале конференции позицию «технооптимизма», проблемность и озабоченность преобладали в докладах и дискуссиях: публичность и приватность, медиатизация и детство, игра и интерактивность в цифровой культуре, изменения политической коммуникации и общественного мнения под воздействием цифровизации, профессиональный и пользовательский контент СМИ, свобода и ограничения и т. д. Особое внимание получили конфликтные кейсы: карикатуры в «Шарли Эбдо», события на Украине, электоральные коллизии. Исследователи стремились зафиксировать опыт освещения в СМИ подобных событий и процессов, выявляя позиции каналов информации и степень их политических или иных пристрастий.

Такие кейсы могут придавать конкретное звучание отвлеченным дискуссиям о свободе, переводя их в проблемное русло «свобода — ответственность» с учетом современной коммуникативной ситуации. Показательной кульминацией одного из пленарных заседаний ста-

ла дискуссия между Дуньей Миятович, представителем ОБСЕ по свободе СМИ, специалистом по медийному праву и Палло Манчини. С одной стороны звучало: «Публикация не может быть поводом для убийства»; с другой: «Тем не менее она становится поводом для убийства, и это нельзя не учитывать». Кросс-профессиональные дискуссии обнажают разные подходы к парадигме журналистики, которая рассматривается как часть огромного коммуникативного ландшафта. Характерной для европейской конференции стала научная рефлексия, развернутая в дискуссионно-проблемном аспекте.

Участники конференции в Куала-Лумпуре сфокусировали внимание на прагматических аспектах функционирования СМИ, данный подход и был заявлен в названии. Такая подчиненность одной согласованной задаче была обозначена на пленарном заседании, открывавшем конференцию: профессор Университета Воллоргонг, советник ВОЗ Рей Кемп (Австралия) представил алгоритмы деятельности СМИ в преддверье кризисных ситуаций и в периоды острого течения кризисов. Таким образом, изначально была обозначена роль СМИ как инструмента воздействия на предупреждение рисков и на развитие кризисов.

Последующие доклады продолжали развивать сугубо прагматический подход к деятельности медиа в конкретных кризисных кейсах: экологические проблемы, выборы, национальные конфликты и т. п. Участники конференции, среди которых было немало молодых ученых — магистрантов, аспирантов университета, анализировали контент с точки зрения решения конкретной коммуникативной задачи в ракурсе ответственности публикаций и выявления коммуникативных рисков в работе СМИ. По сути, в ходе конференции формулировались методики деятельности СМИ в ситуациях конфликтов и кризисов,

подготовки кадров для работы в таких ситуациях в частности и в потенциально конфликтной среде в целом. Целенаправленность конференции обусловила единство ее участников и отсутствие проблемных дискуссий; в данном случае можно говорить об исключительно коммуникативистском подходе к журналистике и анализу ее функционирования. Вместе с тем очевидна продуктивность такого подхода, его методическая ориентированность, возможность применения результатов в практике медиа и образовательном процессе.

Представляется важной для исследователей журналистики постоянная включенность в научные дискуссии в сфере коммуникации, участие в конференциях, посвященных смежной с журналистикой проблематике, что дает возможность методологических и методических сопоставлений, позволяет адекватно воспринимать контексты современного коммуникативного пространства, а также открывает иные подходы к изучению журналистики в коммуникативном ключе.

M. A. Berezhnaia

St Petersburg State University

**Journalism in communicative researches
foreshortening (on materials of scientific
conferences)**

The short review contains information on scientific conferences devoted to communication issues and discussions on the current functioning of journalism in the new communicative environment.

Keywords: *conference, communication, journalism, media.*

**С. М. Виноградова,
Д. А. Руцин**
С.-Петербургский
государственный
университет

С 13 по 14 августа 2015 г. в Упсале (Швеция) проходил 4-й Международный форум, посвященный политическому маркетингу (PMF-2015). Форум был посвящен важной и актуальной теме — «Старое и новое: традиции и инновации в политическом маркетинге». Организаторами научной встречи явились Университет Упсалы и его Упсальский Центр российских и евразийских исследований.

Ключевые слова:
*политический маркетинг,
Упсала, публичная
дипломатия, мягкая сила.*

© Виноградова С. М.,
Руцин Д. А., 2015

4-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ МАРКЕТИНГУ В УПСАЛЕ (ШВЕЦИЯ)

С 13 по 14 августа 2015 г. в Упсале (Швеция) проходил 4-й Международный форум, посвященный политическому маркетингу (PMF-2015). Предыдущие международные конференции были проведены в Университете штата Иллинойс, США (2012 г.), в Будапеште, Венгрия (2013 г.) и Бухаресте, Румыния (2014 г.). Первые две конференции были сфокусированы на российских, восточноевропейских и евразийских темах. Третья — на теории и практике политического маркетинга. На сей раз предметом обсуждения была важная и актуальная тема — «Старое и новое: традиции и инновации в политическом маркетинге». В дискуссии приняли участие исследователи из Болгарии, Венгрии, Латвии, Ливана, Литвы, Польши, России, Румынии, США, Турции, Швеции, Украины, Египта и других стран мира.

Организаторами этой масштабной научной встречи явились Университет Упсалы (старейший публичный университет в Швеции и всей Скандинавии, основанный в 1477 г.) и его Упсальский центр российских и евразийских исследований. Примечательно, что местом заседаний стал музей «Густавианум». Музей — один из старейших в Европе культурных центров. В нем хранятся редчайшие научные и художественные коллекции. «Густавианум» располагается в старинном, хорошо сохранившемся здании, построенном в 1620-х годах. Название музея происходит от имени короля Густава II Адольфа, который пожертвовал большие денежные средства и земли для нового здания университета.

Открыл представительную конференцию один из ее организаторов Грэг Саймонс — доктор философии, доцент, исследователь Центра российских и евразийских исследований Университета Упсалы. С приветствием к участникам форума обратился губернатор лена Упсала Петер Эгардт. С большим вступительным докладом перед слушателями выступил один из крупнейших специалистов в области политического маркетинга, главный редактор журнала «Политический маркетинг», профессор Брюс Ньюман (США). Этим видным американским ученым были прослежены корни инноваций в политическом маркетинге. На базе широкого теоретического и исторического материала исследователь продемонстрировал особенности влияния коммуникационных технологий на эффективность избирательного процесса.

Существенный интерес вызвали выступления на секционных заседаниях форума. Доклады содержали всестороннюю научную характеристику хода избирательных кампаний в отдельных странах мира. Учеными был дан обстоятельный анализ хода и результатов выборов в Турции (Айше Анил, Нихат Камил Анил, Вейсел Батмац) и Румынии (Кристиан Андрей, Сорина Слусарек). Выступающими приведены убедительные доказательства политической поляризации в США (Леон Шифман и Элен Шерман), а также выявлено место популизма в современном политическом процессе (Юле Тооде).

Специфические черты регионально-го политического маркетинга (в частности, в арабском мире и на постсоветском пространстве) отметили Йоланд Рока, Ноха Бакр, Роман Вакульчук и Марина Каюмова. Существенное внимание участники форума уделили взаимодействию избирателей, партий и лидеров (Валид АбуХалил, Джордж Аун, Наим Рустеми и другие докладчики). Профес-

сор Уральского федерального университета Дмитрий Стровский изучил современные региональные политические тенденции в России и особенности их отражения в СМИ. В контексте международных отношений были рассмотрена проблема иностранного вмешательства во внутреннюю политику государства (Иосиф Бен-Ур).

О стратегической роли коммуникационного менеджмента в Венесуэле рассказал профессор философского факультета МГУ Евгений Пашенцев. Прогнозы о развитии политического маркетинга содержались в выступлении Нино Русидзе.

В поле зрения участников форума оказались особенности российской публичной дипломатии, в частности, связанные с практикой использования «мягкой силы» (доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ Дмитрий Руцин). В докладе Д. Руцина «Публичная дипломатия и „мягкая сила“ в России» отмечалось, что любое государство использует для защиты национальных интересов весь арсенал средств внешней политики. Набор механизмов для достижения внешних приоритетов является весьма богатым. Традиционные инструменты внешней политики носят политический, дипломатический, экономический и военный характер. Публичная дипломатия выступает сравнительно новым компонентом этого арсенала. Термин «общественная дипломатия» появился во Флетчеровской школе права и дипломатии при Университете Тафтса, тесно связанной с Государственным департаментом США. Сегодня он подразумевает развитую многоканальную двустороннюю связь между обществами разных стран.

В комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей и задач с помощью информационных и культурных ресурсов в последние десятилетия прочно вошла «мягкая сила». По

словам американского ученого-политолога, одного из классиков теории международных отношений Джозефа Ная [6; 7; 8], «мягкая сила» представляет собой способность к достижению результатов посредством «привлечения» или «соблазнения» вместо насилия или подкупа. «Мягкая сила» служит важным ресурсом для повышения эффективности дипломатии. Сегодня в научно-практический обиход все чаще вводятся такие термины, как *smart power* и *intelligent power* («умная сила» и «разумная сила»), а представители исследовательского сообщества и политики призывают использовать симбиоз «жесткой» и «мягкой» силы; тем не менее последняя сохранила свою значимость для национальной и международной повестки дня. «Цветные революции» стали ярким примером взаимодействия «мягких» и «твердых» форм влияния.

В конце февраля 2012 г. в статье «Россия и меняющийся мир» Владимир Путин характеризовал «мягкую силу» как комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счет информационных и других рычагов воздействия [5]. Можно увидеть разницу между определениями, предлагаемыми Дж. Наем и В. Путиным. Она носит далеко не стилистический характер. Американский политолог отмечает привлекательность в качестве ключевого элемента понятия, в то время как российский политик делает больший упор на рычагах влияния.

Тесно связано с понятием публичной дипломатии понятие народной дипломатии. Роль народной дипломатии в общем контексте дипломатии современного государства рассматривается в коллективной монографии, опубликованной сотрудниками факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета [1]. Сегодня великие державы больше

не являются единственными акторами мировой политики и международных отношений, поэтому их монополия на распространение информации по всему миру утрачена. Публичная дипломатия, ориентированная на «соперничество», замалчивание одной точки зрения целевой аудитории посредством активного поощрения других, не всегда достигает своих целей. В результате повышается интерес к публичной дипломатии, ориентированной на двустороннее сотрудничество, направленное на укрепление атмосферы доверия и принятия взвешенных решений. Не случайно появление концепции новой публичной дипломатии.

Россия не стала исключением в процессе расширения взаимодействия с общечеловеческой общностью различных стран мира.

Все эти мероприятия наглядно демонстрируют заинтересованность нашей страны в развитии системы коммуникации с зарубежной аудиторией. Однако развитие публичной дипломатии в России наталкивается на множество трудностей. Одна из них — отсутствие системы публичной дипломатии, предполагающей наличие единой стратегии, координации, методов оценки эффективности. Российская публичная дипломатия не выработала действенных механизмов сотрудничества с негосударственными структурами других стран. Как и США после террористических атак 11 сентября 2001 г., Россия увеличила число односторонних каналов коммуникации, но не смогла наладить активный диалог с зарубежной общественностью [3].

В докладе Д. Руцина речь шла о назначении на пост директора департамента печати и информации МИД РФ Марии Захаровой, а также о скандале в связи с некорректным высказыванием министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова в отношении журналистов на пресс-конференции с главой МИД Саудовской Аравии. Был отмечен отчет ко-

митета по иностранным делам палаты общин Великобритании о деятельности британского МИДа. В данном документе, на который ссылается газета «Известия», говорится, что телеканалы РБК-ТВ и «Дождь», сотрудничая с английской ВВС, «доставляют нужную МИД Великобритании информацию российской аудитории» [2]. Авторы документа называют эти действия политикой «мягкой силы» и считают ее крайне эффективной для продвижения политических интересов Великобритании в России. Они полагают, что гранты британского МИДа на финансирование вещания через российские каналы используются максимально эффективно.

Вопросы динамики современных политических технологий содержались в докладе заведующей кафедрой теории и истории международных отношений СПбГУ, профессора Светланы Виноградовой. Выступление было посвящено выявлению исторических особенностей взаимодействия старого и нового в современных коммуникационных процессах. К относительно новым феноменам можно отнести политический маркетинг — систему «целенаправленного воздействия на сознание и поведение людей; их объединений и организаций, позволяющую в условиях политических и гражданских свобод сформировать у них такие интересы и потребности, которые выгодны действующему субъекту политических отношений. Эта система включает в себя политические теории, методы, приемы и способы изучения политической среды, а также пути формирования политических запросов и ожиданий, удовлетворение которых призвано влиять на поведение граждан» [4].

По своей сути политический маркетинг выступает в качестве интеллектуальной формы коммуникации, которая реализуется в сфере политики. Но следует учитывать, что политический

маркетинг — это еще и междисциплинарное научное направление, включающее в себя теории среднего уровня и прикладные исследования, а также активно формирующаяся учебная дисциплина. Современные исследователи проблем политического маркетинга опираются на достижения различных областей научного знания. Разработка политической стратегии начинается с формирования базы данных, содержащей демографические, психологические и потребительские характеристики людей. Так, чем более полно и точно будут определены параметры политического рынка, тем более эффективной окажется та или иная политическая кампания. Ученые создают интеллектуальный продукт, в котором содержится научная картина мира, или модель, в своих основных чертах отвечающая этой картине.

В идеале интеллектуальный продукт, созданный в результате деятельности специалистов-маркетологов, соответствует одновременно интересам кандидатов на политические должности и потребностям избирателей. Информация, полученная кандидатом, не противоречит сведениям, полученным его избирателями. Картина мира, таким образом, отражает реальную ситуацию, которая полно и объективно характеризует политический рынок или его сегменты.

В оптимальном варианте созданию подобной картины способствуют современные политические технологии, которые стремительно совершенствуются в условиях нового витка информационной революции. Например, сегодня политический маркетинг обращается к сетевой модели веб 3.0, ориентированной на потребителя информации. Новыми возможностями обладает стратегическая коммуникация, которая включает в себя общую деятельность различных субъектов и базируется на основе многосторонней экспертизы, нацеленной на координацию и синхронизацию де-

тельности разных членов экспертной группы (или разных групп).

Однако на практике политический маркетинг часто обращается к некорректным процедурам работы с избирателями. В частности, факты заменяются симулякрами — образами, не имеющими аналогов в действительности. Используются древние как мир способы воздействия на сознание и подсознание человека. К ним относится, например, внушение, которое осуществляется на основе отвлечения внимания и волевого сосредоточения человека. В процессе убеждения начинает превалировать пафос вместо логических доводов, а также порой привлекаются «негодные» доказательства, предполагающие, в частности, «переход на личности», который уводит аудиторию от существа обсуждаемого вопроса. Несмотря на «виртуализацию» мира политики, она продолжает «выплескиваться» на улицы и площади. В таких случаях мы сталкиваемся с массовидными явлениями, в том числе с толпой, фактически не воспринимающей доводы рассудка.

Возникает вопрос, не окажется ли политический маркетинг двуликим Янусом, одно лицо которого, обращенное непосредственно к кандидатам на выборную должность, будет являть собой образ интеллектуала, а другое, смотрящее в сторону избирателей, представит собой личину манипулятора? Тем более что политический маркетинг в его практическом и теоретическом звучании несет на себе отпечаток идеологического параллакса. В этой непростой ситуации от исследовательского сообщества зависит степень максимально возможного приближения политического маркетинга к созданию объективной, научной модели мира.

Большое место в ходе форума заняли проблемы войны и мира. Свою точку зрения на политические истоки, характер протекания и перспективы

урегулирования конфликта в Украине представили Мариус Лауринавичюс, Татьяна Маляренко. Ульрих Янссен из Германии посвятил свой доклад теме: «Люди в фокусе: аспекты и соображения о построении политических отношений между иностранными военнослужащими и местным населением в контексте военных операций». К риторическим аспектам выступлений президента В. В. Путина обратилась латвийская исследовательница Ева Берзиня. Сергей Самойленко, преподаватель связей с общественностью кафедры коммуникации Университета Джорджа Мейсона (США), рассказал об освещении в новостных программах СМИ России и США авиакатастрофы в Восточной Украине в 2014 г. Усилению военной риторики в политическом маркетинге посвятил свое выступление Грэг Саймонс. Значение социальных медиа в современной политике было отражено в разнообразных по своей тематике докладах Габриеллы Керештуру, Андрииса Петерсона, Лилии Райчевой, Мариана Томова и других участников форума. История и современность тесно переплелись в докладе украинских исследователей Сергея Курбатова и Аллы Марченко, которые обратились к психологическим механизмам формирования имиджа «спасителей» и «предателей» в социальных медиа Украины. К созданию этического кодекса цифровой дипломатии призвал профессор Дипломатической академии МИД РФ Иван Сурма.

Участники конференции обращали внимание на то, что до настоящего времени основной упор исследователями и практиками делался на политический маркетинг в контексте демократии западного типа. Данная конференция послужила расширению академического объема дисциплины. Она позволила изучить опыт другой политической среды на местном, государственном, региональном и международном уровнях.

Хотя это не означает, что сложившимися научными направлениями следует пренебречь, тем не менее она подтвердила мнение, что еще есть место и пространство для расширения научных горизонтов в данной сфере. Фактически речь идет о создании живой плюралистической среды общения ученых и политиков, дальнейшего развития теории и практики политического маркетинга. В заключение были подведены итоги работы 4-го Форума и намечены перспективы дальнейшего научного сотрудничества в сфере изучения политического маркетинга. Участники единодушно отметили глубокий научный характер дискуссий и высокую полемическую культуру их участников.

Литература

1. Барышников Д. Н., Костюк Р. В., Ткаченко С. Л. Эффективность дипломатии. СПб.: ВВМ, 2009. 150 с.
2. «Дождь» и РБК продвигают интересы Великобритании // Изв. 2015. 13 авг. URL: <http://izvestia.ru/news/589880>.
3. Долинский, Алексей. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский совет по международным делам. 2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=791#top-content.
4. Маркетинг политический // Политология: словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/101/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3>.
5. Путин, Владимир. Россия и меняющийся мир // Моск. новости. 2012. 27 февр. URL: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>.
6. Nye, Joseph S., Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 616. P. 94–109.
7. Nye, Joseph S., Jr. Soft Power // Foreign Policy. 1990. No. 80. P. 153–171.
8. Nye, Joseph S., Jr. Soft power and European-American relations // Free thought-XXI. 2004. No. 10. P. 20–24.

S. M. Vinogradova, D. A. Rushchin
St Petersburg State University

The 4th International Forum on Political Marketing in Uppsala (Sweden)

4th International Forum on Political Marketing (PMF-2015) was hosted on 13–14 August 2015 in Uppsala (Sweden). The Forum was devoted to an important and actual theme — “Old and New: Tradition and Innovation Within the Political Marketing Discipline”. The scholar organizers of the meeting were Uppsala University and the Uppsala Centre for Russian and Eurasian studies.

Keywords: *political marketing, Uppsala, public diplomacy, soft power*

**Профессору
Александр Петровичу Короченскому**

С 60-ЛЕТИЕМ!

Жизненный и творческий путь Александра Петровича — это история, которая наполнена южным солнцем (будь то Россия или Испания), позитивной энергией и теплым ветром вдохновения. Уроженец ростовской земли, он стал ярким событием в академической и общественной жизни Белгородчины, десять лет назад приступив к созданию центра журналистского образования.

Никто не знает, сколько трудностей пришлось преодолеть на этом пути, потому что любые неприятности всегда скрываются за его искренней и доброй улыбкой. Творческие достижения профессора Короченского убеждают, что нет ничего невозможного в деле журналистского образования. Можно создать с нуля факультет и привлечь в него талантливую молодежь региона, можно «раскрутить» новое научное направление в масштабах страны, можно сплотить вокруг себя команду ученых и преподавателей-энтузиастов. Активность Александра Петровича находит проявления не только на родной земле, но и за ее пределами: исполняя нелегкие обязанности декана, он успевал преподавать в Польше, Испании, Финляндии, США.

Несмотря на то что в научном мире о профессоре Короченском чаще принято говорить в связи с медиакритикой как отдельной исследовательской областью, спектр его научных интересов незаурядно широк — от международной журналистики до новых профессиональных вызовов в виде «пиар-журналистики» или журналистики «секонд-хенд». Даже заголовки его публикаций (которых за время научной карьеры накопилось почти пятнадцать десятков) указывают на то, что Александр Петрович всегда находится в центре медиапотока, живо реагируя на все происходящее в нем. Интерес к науке у него органично сочетается с тонким пониманием проблем современной медиапедагогике. Это закономерно, потому что воспитание журналиста в условиях динамично меняющихся профессиональных ориентиров не может не привлекать внимание человека, ежедневно отвечающего на сложные вопросы и запросы студентов.

Накопленный опыт — это та ценность, которая обязывает профессора Короченского с еще большей энергией отдавать свое вдохновение миру и медиaprостранству.

Коллеги и друзья Александра Петровича в Санкт-Петербургском государственном университете, редакция «Века информации» сердечно поздравляют юбиляра и желают ему новых открытий и творческих побед!

*Камилла Нигматуллина,
доцент кафедры периодической печати СПбГУ*

K. R. Nigmatullina
St Petersburg State University

Congratulations on the 60th birthday of professor Korochensky

Периодическое издание «Век информации»

Условия публикации

1. Статьи для публикации поступают в редакцию по электронной почте vek.inform@ya.ru, без рецензий и оплаты.

2. Статьи отражают результаты оригинальных исследований и не являются повторением ранее опубликованных или находящихся в редакционном процессе произведений.

3. Статьи отвечают требованиям высокого качества научной продукции, авторского права и этики научно-публикационной деятельности, а также правилам и стандартам оформления, принятым в издании «Век информации».

4. Материалы конференций публикуются по рекомендации членов редколлегии — руководителей программных мероприятий конференции.

Правила оформления материалов

В структуру статьи входят 4 блока.

Блок 1:

И. О. Фамилия автора (авторов) — 14 кегль, строчной, курсив.

Наименование учреждения, в котором выполнена работа, — 14 кегль, строчной.

Название статьи — 14 кегль, строчной, полужирный.

Аннотация (4–5 строк).

Ключевые слова на русском языке (3–5) — 14 кегль, строчной.

Блок 2:

Текст статьи на русском или английском языке — 14 кегль, строчной.

Блок 3:

И. О. Фамилия автора (авторов) на английском языке — 14 кегль, строчной, курсив.

Наименование учреждения, в котором выполнена работа, на английском языке — 14 кегль, строчной.

Название статьи на английском языке — 14 кегль, строчной, полужирный.

Аннотация (4–5 строк).

Ключевые слова на английском языке (3–5) — 14 кегль, строчной.

Блок 4:

Литература (в алфавитном порядке; сначала источники на русском языке, потом на иностранных) — 14 кегль, строчной.

Объем статьи (без учета резюме и ключевых слов) от 6000 до 20000 знаков с пробелами. Текст набирается в программе MS Word (MS Office 2007–2010). Параметры страницы: левое поле 3 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см, верхнее 2 см. Межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ 1,25 см, без пробелов перед и после абзаца. Выравнивание по ширине; заголовочный комплекс выровнен по левому краю. Без переносов.

Таблицы, схемы и рисунки допускаются.

Ссылки даются внутри текста в квадратных скобках: № источника в списке литературы и цитируемые страницы: [1, с. 24–25]. Паспортизация примеров дается в круглых скобках с использованием принятых сокращений названий СМИ, например: Лит. газ.; Нов. газ.; Рос. газ.; НТВ; Россия 1; Россия К.

Periodical “Information Age”

Conditions for publication

1. Articles for publication are sent to vek.inform@ya.ru without review and payment, in Russian or English.
2. Articles must reflect the results of original research, and must not be a repeat of works which have been published before or are in the process of being edited.
3. All articles must meet the requirements of: academic works of high quality; authors’ right and ethics of science and publication activity; and the rules and standards of formatting accepted in the periodical “Information Age.”
4. Conference proceedings are published upon the recommendation of the editorial board members — the heads of the programme events of the conference.

Rules for formatting material

The structure of the article includes 4 blocks.

Block 1 (for articles in Russian):

N. P. Surname of the author (of authors) — 14-point type, lower case, italics (*P* is patronymic name).

The name of the institution where the work had been carried out — 14-point type, lower case.

The title of the article — 14-point type, lower case, in bold type.

Annotation (4–5 lines).

Key words in Russian (3–5) — 14-point type, lower case.

Block 2:

The text of the article in Russian or English — 14-point type, lower case.

Block 3:

N. Surname of the author (of authors) — 14-point type, lower case, italics.

The name of the institution where the work had been carried out — 14-point type, lower case.

The title of the article — 14-point type, lower case, in bold type.

Annotation (4–5 lines).

Key words in English (3–5) — 14-point type, lower case.

Block 4:

Literature (in alphabetical order, first, sources in Russian, then in foreign languages) — 14-point type, lower case.

The size of the article (excluding annotation and key words) should be from 6 000 to 20 000 characters with spacing. The text is to be typed in MS Word (MS Office 2007–2010). Page layout: left margin — 3 cm, right margin — 1,5 cm, bottom margin — 2 cm, top margin — 2 cm. Line interval — 1,5. Paragraph indention — 1,25 cm. without indentions before or after the paragraph. Justified; the heading is aligned left. No hyphenation and page numbering.

Tables, schemes and pictures are allowed.

References should be in the text in square brackets: No. of the source in the list of the Literature and the cited page [1, p. 24–25]. References to examples should be in round brackets by using accepted abbreviations of mass media. For instance: Lit. gaz.; Nov. gaz.; NTV; Rossiya 1; Rossiya K.

С 2014 года статьи включаются
в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 26, каб. 402.
E-mail: vek.inform@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на периодическое издание «Век информации» обязательна.

Сериальное издание

Век информации 2015

№ 4

Подписано в печать 22.12.2015. Формат 70x108/16.

Гарнитура CharterITC. Печ. л. 5,25.

Тираж 75 экз. Заказ 106.

Отдел допечатной подготовки

Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Санкт-Петербургского государственного университета

199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26.